

Вадим Крысько (Москва, Россия)

**ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ КАНОН ПЕРВОУЧИТЕЛЮ КИРИЛЛУ:
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ***

0. Канон первоучителю Кириллу, который вне всяких сомнений принадлежит к числу древнейших произведений церковнославянской литературы, долгое время считался оригинальным славянским сочинением. Исследования последних лет показали, однако, что в действительности его текст, дошедший до нас в 25 восточно- и южнославянских списках XI–XVII вв., представляет собой весьма точный и квалифицированный перевод несохранившегося греческого канона. Обратный пословный перевод со славянского на греческий не только позволяет прийти к греческому тексту, практически идеально вписывающемуся в стихометрические образцы – ирмосы, указанные при каждой песни канона, но и дает возможность установить акростих, столь обычный для византийской гимнографической поэзии: согласно разысканиям С. Ю. Темчина (2007) и автора этих строк (Крысько 2009а: 16; Крысько 2009б: 12, 20; Крысько 2010: 130), в первой-девятой песнях реконструируемого греческого канона читается распространенная формула акростиха, включающая имена творца и адресата песнопений, – ΚΛΕΩΣ (ΚΥΡΙΛΛΩ?) ΒΑΣΙΛΕΙΟΣ ΤΩ ΦΙΛΟΣΟΦΩ ΜΕΛΠ..., т. е. Κλέος (Κυρίλλω) Βασίλειος τῷ φιλόσοφῳ μέλπ... ‘славу (Кириллу?) Василий Философу поет (?)’. Проведенный лингвистический и стихометрический анализ подтверждает давнюю гипотезу А. Д. Воронова (1877: 151), в соответствии с которой кирилловский канон был составлен „по образцу греческих канонов и вероятно греком и на греческом языке“. Что же касается исторических обстоятельств создания канона в честь Кирилла, и в частности вопроса о том, „какъв клир и миряни биха чествали неговата памет на гръцки език?“ (Мирчева 2010: 22), то И. Шевченко привел, как кажется, достаточно убедительные аргументы в пользу того, что “[t]he author of the first work of Slavic literature (Жития Константина – В. К.), or his informants, may have had something to do with ‘all the Greeks

*Автор признателен В. А. Дыбо, А. А. Зализняку, В. Лефельдту за консультации по акцентологическим вопросам, Л. И. Щёголевой – за замечания по греческому материалу.

who were in Rome' and whom the Pope 'commanded... to gather with candles and to chant over' Constantine's 'body' in 869" (Ševčenko 1999: 219)¹. Именно в этом "(Graeco-Slavic?) milieu" (Ševčenko 1999: 218), среди людей, о рацѣ стѣицнхъ (как говорится в 9-й песни канона), и возникло, судя по всему, первое гимнографическое прославление усопшего учителя славян (см. также: Темчин 2007: 337–338).

1. Седьмая песнь канона по разным спискам имеет различные указания на ирмос. Сведения двух относительно поздних списков явно вторичны: как вариант *Хл152* Очкын бѣ не посрамн на• нь ддрон намь съ ддрзновенемъ выпн• бл•, так и вариант *Р* Спсе въ ѡгнн не соотносятся с текстом тропарей – их греческие прототипы (соответственно Ὁ τῶν πατέρων Θεός, μὴ κατασχύνῃς ἡμᾶς ΕΕ: 103 и Ὁ διασώσας ἐν πυρί ΕΕ: 101) резко расходятся со славянскими песнопениями и реконструируемыми греческими оригиналами и с точки зрения колонной структуры, и по количеству слогов. В абсолютном большинстве списков использован ирмос Οὐκ ἐλάτρευσαν (ΕΕ: 100)², однако его переводы на славянский разнятся: в 16 из 24 списков³ представлена версия Не послѡжнша (так в *В, Т98, Т105, Гр, Др, Пан, Пал, Ц* и в восходящих к одному протографу *НБКМ902, Л, НБКМ141, Вар, Поч⁴; Пог* -н'ше; в *С, Z* глагольная форма сокращена до послѡжн-), тогда как в шести списках, включая древнейший, – Не поклонншася (*Ил, Т104, НБКМ895, Хл166, Хл164⁵*; в *Ск* грамматическая инновация – перфект -ннса). В работе, посвященной кирилловской службе, и в частности ее ирмосам (Мирчева 2001: 80), и в обширной монографии о славянском Ирмологии (Hannick 2006: 136, 694) вариативность лексем, примененных для перевода греч. λατρεύω, никак не объяснена⁶; можно предположить, что четырехсложное послѡжнша восходит к первоначальному переводу ирмоса, ориентированному на изосиллабизм и гомоничность с греческим образцом (ср. ср.-болг. н послѣжншѡ – Дыбо

¹ Ср.: Повелѣ же апостоликъ всѣмъ Грекомъ, иже бахоу въ Римѣ, тако и Римланомъ всѣмъ, съ свѣщамн съшедшеса пѣти надъ нимъ и сътворити провожденіе емоу (ЖК, XVIII – Лавр.: 35).

² Приводим текст ирмоса, обозначая границы колонов астериском: Οὐκ ἐλάτρευσαν * τῇ κτίσει οἱ θεόφρονες * παρὰ τὸν κτίσαντα. * ἀλλὰ πρὸς ἀπειλήν * ἀνδρείως πατήσαντες * ἔχαιρον ψάλλοντες. * ὑπερύμνητε * ὁ τῶν πατέρων Κύριος * καὶ Θεός, εὐλογητὸς εἶ. В последующих публикациях (MR, ANG) первые два колона объединены в один, 13-сложный, и такое же деление принято далее в настоящей статье.

³ Список *НБКМ140* обрывается на 6-й песни.

⁴ Далее наличие одинаковых чтений в этих пяти списках сигнализируется обозначением древнейшего из них (*НБКМ902* и др.).

⁵ Если при цитате указано несколько источников, это означает, что она приведена по древнейшему списку (первому из перечисленных), а в других списках фигурируют аналогичные написания (без учета графико-орфографических отличий).

⁶ Попутно заметим, что Б. Мирчева (2001: 80–81) напрасно видит „една много ранна грешка“ в тексте ирмоса: прѣщение – отнюдь не „вм. крѣщение“ (правильно – крѣщение), а точный перевод греч. ἀπειλήν ‘угрозу’: прѣщение ѡгньно мжжскы поправше *Ск* = πρὸς ἀπειλήν ἀνδρείως πατήσαντες.

2000: 599), а поклонншася, употребляемое как эквивалент ἐλάτρευσαν только в данном контексте, отражает параллельный перевод, осуществленный с какого-то гимнографического сборника без соотнесения со стихометрией оригинала⁷. Примечательно, что в текстах Ильиной книги рассматриваемый ирмос ни разу не передается как Не послу́жнша: во всех пяти фиксациях отмечается глагол поклонншася (ИК: 790), – между тем как в минеях, привлекавшихся нами для подведения различий к Ильиной книге, регулярно выступает послу́жнша; это обстоятельство, возможно, следует расценивать как аргумент в пользу единства, гомогенности древнеболгарского сборника, который лег в основу Ильиной книги: система ирмосов в этом (едва ли нотированном) сборнике была унифицирована согласно переводам, не всегда согласовавшимся с требованиями распева.

2. Первый тропарь седьмой песни⁸ в *Ил* передан следующим образом:

Словесънзымн пнцальмн • прн|зываетъ блажене • овыца въ оградѣ стѣна гвн
боу • мѣдрамн | прнтъчамн • красотою н сластн|ж словесы твонмн • (130r)⁹.

Текст очевидно дефектен: вместо ожидаемого после глагола прнзываети и предлога въ вин. падежа (ед. ч. – оградѣ / оградѣ или мн. ч. – оградѣ) мы видим здесь мест. пад. ед. ч. оградѣ, к тому же не согласованный с последующим определением мн. ч. стѣна (возможно, писец относил стѣна к овыца, а въ оградѣ трактовал как указание на местонахождение); едва ли оправданно нанизывание далеко не однородных твор. падежей в конце тропаря; и главное – предложение лишено предиката, с которым должны корреспондировать причастный оборот и обращение блажене (как справедливо подчеркнул еще А. Теодоров-Балан (1934: 63), „тропарят изглежда да е пропуснал нещо, някоя глаголна дума“)¹⁰.

Первая ошибка (повторенная в *Хл152* и *Хл164*) отчасти исправляется при апелляции к другим спискам, демонстрирующим аккузатив – хотя и разных чисел и родов: в большинстве списков фигурирует мн. ч. оградѣ – от masculinum оградѣ или femininum ограда (*С, Т104, Гр, Др, Ск, НБКМ895, Т105, Пан, Пал, НБКМ902* и др., *Ц*; в *Хл166* переосмысление – градѣ), а в четырех оставшихся списках – формы ед. ч., согласованные с прилагательными, – мужского рода (*В, Т98* оградѣ стѣн) либо женского (*З, Р* оградѣ стѣн). Обращение к греческому тексту, явившемуся источником парафра-

⁷ Л. Матейко попытался объяснить эти варианты „вариантностью греческих оригиналов“ (не подтверждаемой имеющимися публикациями и указателями) и реконструировал для Не поклонншася совершенно невозможный „оригинал“ *Οὐκ προσκύνησαν (Matejko 2003: 29) с -к перед согласной и димотической формой аориста без аугмента.

⁸ Данный раздел статьи был подготовлен для предварительной публикации в 2011 г., см. Крысько 2012.

⁹ Знак | означает конец строки, || – конец страницы.

¹⁰ Напротив, Б. Мирчева (2001: 153) убеждена в том, что „текстът е пределно ясен“, а процитированные слова А. Теодоров-Балана ошибочно относит ко 2-му тропарю (Мирчева 2001: 154).

зирования в анализируемом песнопении (см. Крысько 2007: 38–39), – тропарю из 3-й песни канона Григорию Нисскому (АНГ 5: 211–212)¹¹ – наводит на мысль о том, что в славянском, как и в греческом (ср. εἰς τὰς... ἐπαύλεις), имелась форма мн. ч. – *оґрады¹²; окончательное решение, однако, зависит от стихометрических соображений.

На месте последнего творительного (словесъзъ, с согласованной формой местоимения) в большинстве списков (*В*, *Т98*, *Гр*, *Др*, *Т105*, *Пал*, *Хл152*, *НБКМ902* и др., *Ц*, *Поч*) наблюдается род. пад. словесъзъ (твонъхъ), который, по всей видимости, и следует признать первоначальным – в то время как твор. пад. в *Ил* (а также в *С*, *Т104*, *НБКМ895*, *З*, *Пан*, *Хл166*, *Хл164* и *Р*; в *Ск* представлено дальнейшее искажение: словеснымъ твонмъ ѡценнемъ) появился, вероятно, под влиянием предшествующих форм (ИК: 577).

Наконец, синтагма, отсутствующая в большинстве списков, но необходимая для восстановления предикативного центра предложения и стихометрической структуры тропаря¹³, обнаруживается в нескольких южнославянских списках XIII–XVII вв., хотя лексическое выражение предиката варьируется: в *НБКМ895*, *Хл166*, *Р* тропарь завершается словами въгоннши [*Р* въ-] оучнтелю, в *Хл164* – ѡгоннши оучнтелю, в *З*, *Хл152* – въводнши ѡчнтелю. Совпадение всех шести списков в выражении финального вокатива дает основания с надежностью реконструировать его и для протографа, однако восстановление глагольной лексемы требует дополнительного исследования.

Помимо явных искажений, древнейший список содержит еще некоторые чтения, вызывающие сомнения.

Первое из этих чтений – начальный твор. пад. Словесъзъимн – разделяется *Ил* со всеми остальными списками, однако в 2007 г., сравнив тропарь с источником парафразирования, мы предположили, что славянский синтаксис повторяет греч. Τὰ θρέμματα... τὰ λογικά, интерпретировали определение как относящееся не к *пищалиям*, а к *овцам* и решились внести в текст конъектуру – *Словесъзъимн... овъца (Крысько 2007: 39). Эта реконструкция поддерживается и другими гимнографическими примерами с определением духовной паствы как *словесной*, т. е. ‘разумной’ (Lampe: 805), ср.: Ἄρνες λογικοὶ ἐδείχθητε, ποιμένι τῷ παμβασιλεῖ σαφῶς ἀκολουθοῦντες (Яг.: 586)

¹¹ Ср.: Τὰ θρέμματα, ὅσιε, τὰ λογικὰ πνευματικῆ ἀνακαλούμενος σύριγγι τῶν θείων δογμάτων σου εἰς τὰς τῆς ἐκκλησίας ἐπαύλεις φυλάττεις Χριστῷ τῷ ἀρχιποίμενι ‘Овец, блаженный, разумных [букв. словесных] духовною призывая свирелью божественных учений твоих в загоны Церкви, сберегаешь для Христа архипастыря’. (Впрочем, в издании АНГ после σου поставлена запятая, что придает глаголу φυλάττω несвойственную ему направительную семантику и сочетаемость с обстоятельством на вопрос „куда“.)

¹² Реконструируемые чтения снабжаются астериском *, маловероятные реконструкции – двумя звездочками **, в реконструируемых текстах косые черты // означают возможные варианты, дефисы – недостающие слоги, круглые скобки – факультативные слова и части слов.

¹³ Ср. МФ II: 345, где оставлен пустым 5-й колон.

– Агньца словесьнаѧ • показастасѧ пастъзиревн • всѣхъ црѣю ѧвѣ послѣдующа (Яг.: 301)¹⁴; ἀνεδείχθης ποιμὴν ποιμνῆς λογικῆς – ѧвнса пастъзирь словесьнзѧнхъ овьць (MD 1: 555); Ὡς θρέμματα λογικά – ѧко овьца словесьнзѧ (MD 3: 27); τὰ λογικὰ πρόβατα τοῖς εὐαγγελικοῖς ἐξέθρεψας λειμῶσιν (MR 2: 262) – словесьнзѧ [так!] овьца вѣ ѧвангельскзѧнхъ ѡπηнталъ кен стаѧхъ (Стих XII: 57r); τῶν Χριστοῦ λογικῶν θρεμμάτων (АНГ 3: 432); Θρεμμάτων προηγῆσω λογικῶν (V: 233); Τῶν λογικῶν σου θρεμμάτων (VIII: 96); πρὸς λογικῶν θρεμμάτων οἶκον (IX: 97)¹⁵. Ввиду этих примеров предложенная конъектура выглядит вполне вероятной, а повсеместное распространение твор. пад. определения в списках тропаря может быть объяснено грамматической аттракцией – влиянием следующей формы пнцальмн, проявившимся уже на очень ранней стадии бытования текста и именно поэтому отраженным во всей письменной традиции. Последующие обращения к TLG показали, однако, что на фоне многочисленных *словесных овец* в византийской письменности встречается и *словесная свирель*, ср.: οὕτως χειροτονηθεὶς ὁ Ἰωάννης ἄρχεται τῆς τῶν πραγμάτων ἐπιμελείας, ἀπὸ τῆς λογικῆς ἀρξάμενος σύριγγος τῆς τῶν προβάτων δοκιμασίας (Палладий, „Диалог о житии Иоанна Златоуста“, IV–V вв.) ‘Итак, будучи рукоположенным, Иоанн начинает заботиться о делах, начав испытание овец словесной свирелью’; καλὸς ποιμὴν τῆ τοῦ λόγου σύριγγι πρὸς τε νομὰς ἐξελαύνων ἀγαθὰς καὶ πρὸς ἐπαύλεις εἰσελαύνων χρηστάς (Никита Пафлагонский, „Похвала Григорию Богослову“, IX–X вв.) ‘добрый пастырь, свирелью слова на благие пастбища выгоняющий и в добрые загоны загоняющий’; особого внимания заслуживает следующий тропарь (из канона св. Тарасию, 25 февраля), тематически весьма близкий рассматриваемому: Τοῦ λόγου τῆ σύριγγι τὴν ποιμνὴν σου, Τарάσιε, ἐπὶ τὰς νομὰς τῆς εὐσεβείας καὶ ἐπὶ ὕδωρ τῆς θείας γνώσεως καὶ εἰς τὰς ἐπαύλεις τοῦ Χριστοῦ ἴθυνας (MR 3: 668) ‘Свирелью слова стадо свое, Тарасий, на пастбища благочестия и к воде божественного знания и в загоны Христовы ты направил’. Приведенные контексты свидетельствуют о том, что автор кирилловского канона, Василий (см. Крысько 2009б: 12), вполне мог, опираясь на хорошо известную ему традицию, метафорически обозначить наставления первоучителя как *словесные пищали*, а его паству – просто как *овец*, и эти образные уподобления, воссозданные славянским переводчиком, сохранились в большинстве списков. Вместе с тем

¹⁴ Цитаты из Новгородских служебных миней на сентябрь–ноябрь даются с оригинальной interpunkцией в соответствии с наборным текстом на сайте <<http://manuscripts.ru>>.

¹⁵ Текстовый поиск в греческих обиходных Минеях и Триоди производился по файлам, извлеченным с сайта <<http://analogion.net/glt>>, с последующей сверкой по MR и TR, поиск в АНГ и других гимнографических текстах – по TLG; текстовый поиск в восточнославянских служебных минеях и триодях XI–XIV вв., не имеющих печатных словоуказателей, осуществлялся по сайту <<http://manuscripts.ru>>. Примеры из греческих авторов, не сопровождаемые указанием на издание, приводятся по TLG. При цитировании подряд нескольких примеров из одного источника его сокращенное обозначение, как правило, указывается при первой цитате, а при последующих – только страница.

относительно редкое сочетание *словесные пищали* все же явно казалось некоторым писцам неудовлетворительным, что и подвигнуло их на переосмысление: в *НБКМ895*, *Хл152*, *Хл166* и *Р* на месте *пищальмн* мы находим *пищамн* (*Р* -цжмн!) – т. е. *словесные пищали* заменены более обычным образом словесной пищи (противопоставленной пище телесной и соотношенной с пищей духовной).

Едва ли изначально является в *Ил* инновационная форма дат. пад. существительного *господь* – *гвн*, предполагающая двойной деклинационный переход – из **i*-склонения в **jo*-основу и далее – в **u*-склонение. Показания других списков, однако, мало помогают выяснению первоначальной формы: сочетание *гвн* *бѡу* или его эквиваленты отсутствуют в большинстве источников – помимо *Ил*, этот объект зафиксирован лишь в семи списках XIII–XV вв., но в одном из них (*Хл152*) фигурирует другая лексема (*хѡу*), в четырех – та же форма *гвн* (*Ск*, *Хл166*, *Хл164*, *Р*), а в двух – также инновационная, хотя и не столь „продвинутая“, форма по **o*-склонению – *гѡу* (*НБКМ895*, *Z*). Из материала, приведенного (без строгой статистики) у П. Дильса, известно, что этимологическая форма дат. пад. **i*-склонения *господн* встречается в старославянских (древнеболгарских) памятниках в меньшинстве случаев (6), тогда как *господѡу* и *господю* – более чем в десяти, а *господевн* – более чем в двадцати (Diels 1932: 162); Р. Шольвин оценивал употребление *господѡу* в старославянском каноне как „fast regelmässig“ (Scholvin 1877: 517). Думается, что при реконструкции исходного облика тропаря, как минимум близкого по времени к кирилло-мефодиевской эпохе, мы должны отдать предпочтение наиболее редкой, но вместе с тем и наиболее архаичной форме, не сохраненной ни одним списком, – **господн*. Что же касается наличия самой косвенно-объектной синтагмы с формами **гн* и *бѡу* в первоначальном тексте тропаря, то в пользу ее исконности говорит, во-первых, источник парафразирования – тропарь Григорию Нисскому, где святой „сберегает словесных овец для Христа архипастыря“ (Χριστῷ τῷ ἀρχιεπίμηνι), во-вторых – стихометрический фактор: без этой синтагмы песнопение недобирает числа слогов, диктуемого ирмосом.

Дальнейшую реконструкцию представляется целесообразным проводить параллельно для славянского и греческого текстов, так как только восстановление изначальных стихометрических отношений в песнопении, обусловленных ирмосом, позволит решить вопросы, связанные с порядком слов и наличием либо отсутствием некоторых форм.

Лексическое наполнение первого колона предсказывается лексикой тропаря – источника парафразирования: *λογικὰ... ἀνακαλούμενος σύριγγι*; отличия от этого образца состоят в замене ед. ч. *σύριγγι* формой мн. ч. (слав. *пищальмн*) и переподчинением определения, отнесенного в кирилловском каноне к *пищалиям*. Реконструкция порядка слов, засвидетельствованного всеми списками, – *пищальмн* *прнзывает* – наталкивается на невозможность аналогичной последовательности в гипотетическом греческом оригинале: ввиду того, что во всех первых колонах, написанных на ирмос *Οὐκ ἐλά-*

τρεῦσαν, 7-й слог обязательно является ударным (Οὐκ ἐλάτρευσαν τῆ κτίσει οἱ θεόφρονες), мы не можем восстановить в середине колона точный эквивалент пнцальмн – форму ταῖς σύριξις, содержащую именно в указанной позиции безударное окончание (**Λογικαῖς ταῖς σύριξις ἀνακαλούμενος). Напротив, строка, повторяющая порядок слов исходного тропаря, – *Λογικαῖς ἀνακαλούμενος ταῖς σύριξις – в метрическом отношении безукоризненно следует предписаниям ирмоса. Тот факт, что в нескольких южнославянских списках, в том числе наиболее ранних (*Гр* и *Др*, а также *Пал*, *Ц*, *Пог*), причастие призываѣ занимает иную позицию, нежели в большинстве списков, – а именно после обращения блажене, дает основания заключить, что колебания в порядке слов начались уже на ранних этапах бытования канона, и реконструировать для первоначального текста тропаря расположение слов, идентичное греческому источнику, – *Словесънзымн призываѣ пнцальмн, с финальным ударением на 3-м с конца слоге, соответствующим пропорохуτοπον в ирмосе и оригинале (пнцаль принадлежит к баритонированной акцентной парадигме *a*, см. Колесов 1972: 72; Зализняк 2011: 258). Весьма раннее изменение данного порядка (*Ил* Словесънзымн пнцальмн) объясняется, возможно, стремлением к преодолению инверсии и установлению непосредственной связи между членами атрибутивной группы ввиду амбивалентной лексической сочетаемости прилагательного, которое могло быть отнесено и к *овцам*.

Следующий колон восстанавливается в полном соответствии с показаниями большинства славянских списков – как *блажене овьца, что при обратном переводе на греческий дает строку *μάκαρ, τὰ θρέμματα, аналогичную 2-му колоны ирмоса (*παρὰ τὸν κτίσαντα*; ср. также в одном из тропарей, выпеваемых на этот ирмос: πάντα ἐνέκρωσας MR 3: 177). Примечательно, что славянский текст не только изосиллабичен оригиналу, но и гомотоничен ему: древнейшее ударение в форме блажене, согласно А. А. Зализняку (письменное сообщение, 25.11.2009), падало на первый слог, т. е. совпадало с μάκαρ, тогда как существительное овьца, относимое – с оговорками – к акцентной парадигме *c* (Зализняк 1985: 138, 284, 287), могло иметь в имен.-вин. пад. мн. ч. энклиноменное ударение ̑овьца, по-видимому, аналогичное пропорохуτονα κτίσαντα и θρέμματα.

В третьем колоны различения списков связаны, как уже отмечалось, с категориями числа и рода. Реконструкция вин. пад. мн. ч. *οργαδзы (и, соответственно, *сватзыѣ), параллельного ἐπαύλεις в тексте-источнике, была бы вполне приемлема для славянского текста – однако в рамках ирмоса Οὐκ ἐλάτρευσαν форма ἐπαύλεις оказывается недопустимой: в тропарях на данный ирмос фигурируют либо 6–7 слогов с конечным ударением (ἀλλὰ πρὸς ἀπειλήν; ἀγεώρητος γῆ PaR: 342), либо 6 – с ударением на третьем с конца слоге (μητέρα ἔσεσθαι ANG 4: 137). Нетрудно убедиться, что ἐπαύλεις этим требованиям не удовлетворяет; подстановка на ее место дат. падежа ἐπαύλεσι решает проблему метрически, но создает новую проблему – грамматическую: возможно ли в такой позиции сочетание предлога ἐν с

дат. падежом? Ответ зависит от того, с каким глаголом соотносятся *загоны*. На наш взгляд, и в тропаре Григорию Нисскому, и в кирилловском тропаре эта именная форма подчиняется глаголу ἀνακαλέω ‘призывать’ – а следовательно, конструкция с дативом здесь маловероятна¹⁶. Однако в кирилловском тропаре реконструируется еще один глагол – предикат (взгoнншн или взвoдншн), являющийся семантически недостаточным именно без локального либо косвенно-объектного уточнителя и, возможно, опосредованно связанный с *оградами*; таким образом, для окончательного выяснения греческого прототипа формы *въ оградѣ* (или *оградѣ*, или *оградѣ*) необходимо восстановить предикативный центр предложения.

Этот предикат вместе с завершающим тропарь инвариантным обращением oчннтелю заполняет последний, восьмой колон, который в греческой гимнографии содержит, как правило, 8 слогов с ударением на предпоследнем (καὶ Θεὸς, εὐλογητὸς εἶ), иногда – на третьем с конца (ὁ Σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν MR 2: 231¹⁷, ὁ καρπὸς τῆς κοιλίας σου АНГ 4: 137), изредка – 9 слогов с ударением на предпоследнем (τοὺς βροτοὺς, Χριστὸν ἐκδυσώπει АНГ 1: 120). Регулярный эквивалент вокатива oчннтелю – προπαροxytonon διδάσκαλε – соответствует, как мы видим, второй схеме. Тем самым для 2-го л. ед. ч. наст. вр. глагола, переведенного как взгoнншн или взвoдншн, в строке остается четыре слога, ударение в которых может падать либо на 3-й (как в большинстве случаев), либо на 2-й (ισότιμον τῷ τεκόντι АНГ 9: 183). Наилучшим кандидатом среди возможных греческих параллелей является, как мы полагаем, глагол εἰσελαύνω, который нередко выступает в лексическом окружении, близком к анализируемому контексту, ср.: Τοῦ Ποιμένου τοῦ καλοῦ τὰ ἀμώμητα πρόβατα μέσον λύκων ὑπ’ αὐτοῦ προφανῶς ἀπεστάλησαν, τούτους τιθασσεύοντες καὶ εἰσελαύνοντες πρὸς μάνδραν τὴν νοητὴν διὰ πίστεως (MR 1: 573) – Пастыря предовраго несквьрньнзпа овьца середѣ възлѣкѣ явленьно нмь посланн възша оскротаща иа¹⁸ н възгонаща въз оградѣ омынню възрою (Яг.: 221)¹⁹; Ἐπαυξήσας τὴν ποιμνὴν, πάτερ, ἐν τῇ πόα τῶν

¹⁶ Ср. в TLG: εἰς τὴν Ἀτικὴν ἀνεκαλεῖτο; εἰς τὴν πόλιν ἀνεκαλούμεθα καὶ εἰς τὴν ἐκκλησίαν; εἰς οὐρανοὺς ἀνεκαλεῖται τοὺς εἰς γῆν ἐρριμμένους; ἀνεκαλέσασθαι εἰς τὴν τοῦ Πατρὸς βασιλείαν; εἰς ἐστίασιν ἀνεκαλεῖται; εἰς οὐρανίους παστάδας ἀνεκαλεῖται – при отсутствии столь же недвумьсленных примеров с ἐν + dat.

¹⁷ “The oblique cases of ἡμεῖς, ὑμεῖς, and αὐτός may be regarded as unaccented after any word with an accent on the ultimate syllable” (Tzupanis 1968: 166).

¹⁸ В издании и на сайте „Манускрипт“ местоимение иа (τούτους ‘этих, их’, т. е. волков) ошибочно соединено с предыдущим причастием.

¹⁹ В славянском переводе отчасти устранена родовая рассогласованность оригинала: прилагательное, непосредственно примыкающее к подлежащему, имеет тот же род (средний – в греческом, женский – в славянском) – но так же ведут себя и причастия, которые в греческом имеют форму муж. рода, поскольку соотносены с апостолами Стахием, Амплием, Урваном, Наркиссом, Апеллием и Аристовулом „и иже с ними“, а в славянском повторяют жен. род существительного овьца. Переход в муж. род, обусловленный реальным полом, представлен только в именной части сказуемого посланн възша, которому в греческом соответствует финитная форма глагола.

θείων δογμάτων σου, ὡς περ μάνδρας οἴκους σεβασμίους, παμμάκαρ, καθίδρυσας, ἐν οἷς εἰσελαύνων τὰ λογικὰ θρέμματα, πάτερ, ἐλυτρώσω θηρῶν ἐξ αἰρέσεων (MR 4: 222) букв. 'Приумножив стадо, отче, на пастбище твоих божественных учений, ты воздвиг, всеблаженный, священные дома как загоны, препровождая в которые словесных овец, отче, ты освободил <их> от ересей <диких> зверей'; ὁ πατήρ... κατ' ὄνομα καλῶν καὶ γινώσκων τὰ πρόβατα καὶ τῇ τῶν λόγων βακτηρία τοὺς λύκους ἀποσοβῶν καὶ πρὸς τὰς ἐπαύλεις τῆς ὀρθῆς ὁμολογίας εἰσελαύνων καὶ πίστεως (Игнатий Диакон, „Житие Никифора“, VIII–IX вв.) 'отец, называя по имени и зная овец и посохом слов отпугивая волков и в загоны правого исповедания и веры препровождая'; σὺ δὲ θύματα λογικὰ καὶ ἱερεῖα ἔμψυχα Κυρίῳ προσήγαγες μοναστῶν ἀγέλας συναγαγὼν καὶ ταῖς σαῖς ὑποθήκαις καὶ σοφοῖς εἰσηγήσεσιν εἰσελαύνων ταύτας πρὸς μάνδραν τὴν ἐπουράνιον (Феокист Студит, „Похвала Афанасию, патриарху Константинопольскому“, XIV в.) 'ты же словесные жертвы и одушевленных жертвенных животных Господу привел, собрав стада мнихов и своими советами и мудрыми наставлениями препровождая их [scil. стада] в небесный загон'; см. также выше цитату из Никиты Пафлагонского: πρὸς ἐπαύλεις εἰσελαύνων χρηστάς. Приведенные контексты, по нашему мнению, дают все основания реконструировать для греческого оригинала кирилловского тропаря предикат *εἰσελαύνεις букв. 'загоняешь'. Поскольку же εἰσελαύνω, как мы убедились на примере из октябрьской минеи (Яг.: 221), переводится посредством вѣгонннн, подобно тому как ἐλαύνω и другие производные – посредством гонннн, гънатн и производных (SJS 1: 736, 737; SJS 2: 597; SJS 3: 343; СДРЯ 3: 495–496; СДРЯ 26: 280; РГЦ: 164; WD: 276)²⁰, естественно заключить, что в славянском переводе этот предикат должен был получить форму *вѣгонннн, сохраненную тремя списками XIII–XV вв., искаженную в Хл164 (с нарушением корреспонденции между приставкой и предлогом) и замененную более нейтральным синонимом вѣводннн (в принципе соответствующим не εἰσελαύνεις, а трехсложному εἰσάγεις) в двух других списках.

Обратившись к сочетаемости εἰσελαύνω, мы обнаруживаем, что чаще всего этот глагол управляет, помимо вин. пад. прямого объекта, обстоятельственными формами с предлогами πρὸς и εἰς + асс., ср. в процитированных примерах: πρὸς (τὰς) ἐπαύλεις, πρὸς μάνδραν, εἰς αὐλιν. В то же время приведенный выше контекст из MR 4: 222 (ἐν οἷς εἰσελαύνων) показывает, что сочетаемость с ἐν + dat. (букв. 'в чем-л.'), реализующая необычную для современного языкового сознания, но нередкую для древне- и среднегреческого вариативность форм при глаголах движения и местонахождения, также была возможна²¹. Тем самым метрически ориентиро-

²⁰ Ср. также: σѣвѣгоннннн (Стих XII: 41г) – ἀπελαύνουσι (MR 2: 4), прогоннннн (65v) – ἀπελαύνων (MR 2: 418); гонннннн – ἐλαυνομένη (Синакс.: 750).

²¹ Ср. еще: πῶς δεῖ εἰσελαύνειν αὐτὰ ἐν τῇ τῶν Ἀγαρηνῶν χώρᾳ 'как препроводить их в страну агарян' (*Anonyma Tactica Byzantina, De re militari*), εἰσῆγαγες μετανοίας ἐν τῇ μάνδρᾳ (MR 1: 560) – прнвѣдѣ вѣ оградѣ покланннн (Яг.: 211), εἰσελθὼν ἐν τῇ πόλει – вѣшьдѣ вѣ градѣ

ванная реконструкция третьего колона кирилловского тропаря, исключая в конце строки $\rho\alpha\rho\chi\upsilon\tau\omicron\nu\omicron\pi\ \acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ (как в каноне Григорию Нисскому) или формы $\mu\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\nu$ и $\mu\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\varsigma$, допускает – в соответствии с таким образцом, как $\mu\eta\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ ἔσεσθαι, – форму дат. пад. мн. ч. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\sigma\iota\nu$. Поскольку, однако, в указанном образце имеется только 6 слогов, между формой существительного и предлогом $\acute{\epsilon}\nu$ может быть восстановлена лишь односложная форма артикля – $\tau\alpha\acute{\iota}\varsigma$, что оставляет без греческого эквивалента неизменно сохраняющийся по всем спискам эпитет к *оградам* – прилагательное *святых*. Отнесение этого определения к следующему колону недопустимо: слова, занимающие 4-ю строку в соответствии со слав. *мѣдрѣмн прѣтѣчѣмн, с наибольшей вероятностью могут быть реконструированы в виде *σοφοῖς παραδείγμασιν, что равно семи слогам в ирмосе ($\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\acute{\iota}\omega\varsigma$ $\rho\alpha\tau\eta\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$)²².

Затруднительность метрически приемлемой реконструкции греческого эквивалента к прилагательному *святые* в рамках обсуждаемого контекста заставляет нас признать, что форма мн. ч. существительного *загон* – и не только асс. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, но и дат. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\sigma\iota\nu$ – едва ли могла присутствовать в греческом оригинале кирилловского канона. В итоге возникает необходимость вновь обратиться к четырем спискам XII–XV вв., где фигурируют формы вин. пад. ед. ч. – $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}\zeta$ $\sigma\tau\eta\nu$ (*B*, *T98*) и $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}\zeta$ $\sigma\tau\eta\alpha$ (*Z*, *P*). Перевод любой из этих форм, независимо от рода, на греческий дает форму *ἔλαυλιν, которая позволяет соотнести окончание колона с образцом типа ἔσεσθαι и находит параллели, например, у Григория Нисского (имен. пад.: οὐ μικρὰ τῶν προβάτων ἡ ἔλαυλις ‘не мал овечий загон’) и у таких поздневизантийских авторов, как Георгий Пахимер (εἰς θρεμμάτων ἔλαυλιν, εἰς προβάτων ἔλαυλιν), Иосиф Вриенний (θρεμμάτων ἔλαυλιν), Максим Плануд (πρὸς ἔλαυλιν ἐλαύνειν). Остается осуществить выбор между родовыми формами славянских списков. В древних текстах в значении ‘загон’ выступают образования обоих родов; так, в SJS 2: 513–514 эта вариативность сигнализируется выделением двух статей – $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}$ и $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}\zeta$, причем специально оговорена родовая неопределенность loc. sg. $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}\zeta$, ср.: $\beta\eta\delta\eta\tau\eta\zeta$ ... $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}\zeta$ $\omega\upsilon\tau\alpha\mu\alpha\zeta$ $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ Ис 65:10 Григ Зах (Паремейник по спискам XII–XIII вв.) – $\omega\upsilon\tau\eta\tau\eta\zeta$ ... $\sigma\rho\alpha\delta\acute{\alpha}\zeta$ $\omega\upsilon\tau\alpha\mu\alpha\zeta$ $\mu\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha$ Соф 2,6 Гл (хорватская глаголическая рукопись XIV–XV вв.)²³. Следует, однако, подчеркнуть, что в канонических старославян-

(Синакс.: 734), но: $\delta\iota\alpha\tau\acute{\rho}\iota\beta\omega\nu$ $\delta\grave{\epsilon}$ $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\text{H}\rho\acute{\alpha}\kappa\lambda\epsilon\iota\alpha\nu$ $\tau\omicron\upsilon$ $\text{P}\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\upsilon$ – $\rho\acute{\rho}\epsilon\upsilon\zeta\iota\upsilon\mu\alpha$ $\eta\epsilon$ $\beta\acute{\alpha}$ $\eta\rho\alpha\kappa\lambda\eta\nu$ $\rho\omicron\upsilon\sigma\tau\eta\beta\eta$ (Синакс.: 734).

²² Ср. многократную передачу $\rho\alpha\rho\acute{\alpha}\delta\epsilon\iota\gamma\mu\alpha$ (“of illustrations from scripture” – Lampe: 1010) как $\rho\eta\tau\eta\zeta\alpha$ в переводе Диоптры Филиппа Пустынника (Диоп.: 114 и 385, 119 и 393, 142 и 422, 165 и 454 и мн. др.), а также – в значении ‘пример, образец’ – в Студийском уставе и Пандектах Никона Черногорца (СДРЯ 8: 610), ср.: $\sigma\kappa\upsilon\epsilon\rho\eta\eta\iota$ $\lambda\upsilon\sigma\tau\eta$. и $\lambda\eta\iota$ $\mu\eta\omicron\gamma\eta$ ... $\iota\epsilon\sigma\tau\eta$ $\nu\iota\delta\eta\tau\eta$ $\rho\eta\tau\eta\zeta\epsilon$ ($\rho\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $\rho\alpha\rho\alpha\delta\epsilon\iota\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ ‘многочисленные примеры’). *ПНЧ к. XIV, 44a* (СДРЯ 9: s. v. $\rho\omicron\tau\iota\nu\upsilon\beta\eta$). О древности этого соответствия свидетельствует перевод производного глагола $\rho\alpha\rho\alpha\delta\epsilon\iota\gamma\mu\alpha\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ посредством $\rho\eta\tau\eta\zeta\eta\tau\eta\upsilon\omega\kappa\alpha\tau\eta$ в Апостоле (SJS 3: 319–320).

²³ То же – в восточнославянском списке: Кн.прор¹., 39об. XV–XVI вв. ~ 1047 г. (Сл XI–XVII, 29: 95, s. v. $\sigma\chi\eta\nu\iota\sigma\mu\alpha$).

ских памятниках *masculinum* оградъ не зафиксирован. В СДРЯ 26: 93, 94 все однозначные формы жен. рода собраны s. v. „ограда“, а в статье „оградъ“ – как однозначные, так и двусмысленные формы; если не принимать последние во внимание, то окажется, что явный *masculinum* в значении ‘загон’ фигурирует лишь в одной цитате из рукописи XIV–XV вв. (стада же воловъ. и оградѣ овецъ)²⁴, между тем как бесспорные *feminina* представлены десятком примеров²⁵ начиная с XII в. Формы жен. рода (чаще соответствующие греч. μάνδρα)²⁶ неоднократно встречаются и в рукописях XI–XIII вв., не отраженных в СДРЯ, в том числе гимнографических: акъѣ пастырь прнведе въ оградѣу покаанна (Яг.: 211); въгонаца въ оградѣу ѡмьнню върою (221); на нѣсноу оградѣу... оуселнстаса (301); да ма овьца погыбъше... въ доброу сн • оградѣу прнчнтаюшн (Син319: 147v); тьгда бѣжить ѿ васъ дьаволь.... изводаи ѡграды бжиа и въ погыбѣль вы въвода (УСб: 70v); вълкъ въ ѡградоу овьчоую въшьдѣ (101a); възврати агницю твою марию. въ оградоу жизньноюу (301в); влнзъ ѡградъѣ (Синакс.: 702); Н боудотъ въ лоузѣ оградъѣ овцамъ (Изб XIII: 18 об.) – ἐπαύλεις (Ис 65:10), – тогда как противоположные примеры единичны: невѣсьнаго ограда съ товою достоноу възгн (Стих XII: 5r) – τῆς οὐρανίου μάνδρας (MR 1: 46). Все эти факты побуждают нас признать наиболее близким к исходному состоянию чтение двух списков – Z и P, т. е. реконструировать в соответствии с греч. *ἐπαυλίη славянскую форму *оградѣ, а в качестве определения к ней – *сватѣжѣ. Греческий эквивалент адъективной формы, если исходить из метрических соображений (ср.: μητέρα ἔσεσθαι – *εἰς - - ἐπαυλίη), должен состоять из двух слогов с ударением на первом; среди обычных лексических соответствий к прилагательному сватѣжн данные условия выполняет только одна форма жен. рода – θεῖαν (не ἱεράν или ἀγίαν; ср. WD: 185; ИК: 828), которую мы – с учетом нередкой сочетаемости θεῖος и ἐπαυλις (ср.: εἰς θεῖας ἐπαύλεις κατεσκῆνωσας MR 1: 432; πετάσαντα θεῖας πρὸς ἐπαύλεις MR 2: 442; ἀγελάρχα τῶν Θεοῦ θείων ἐπαύλεων MR 3: 209; θεῖας πρὸς ἐπαύλεις MR 6: 189; πρὸς θεῖας τὰς ἐπαύλεις Kond. 5: 55²⁷) – и реконструируем для 3-го колона: *εἰς θεῖαν ἐπαυλίη.

При сравнении этого гипотетического оригинала и всех списков перевода бросается в глаза несовпадение в порядке слов, образующих атрибутивное словосочетание: абсолютное единодушие славянских источников, строго соблюдающих последовательность „существительное – прилагательное“, заставляет восстановить их общий прототип в виде *въ оградѣ сватѣжѣ. При-

²⁴ Приходится признать, что образный контекст: въ кестѣ невоорнмнн ѡградѣн КТур XII сп. XIV₂, 281 об. – помещен под указанным значением ошибочно и должен быть перенесен в значение 1 – ‘ограда, стена’.

²⁵ Вновь вынуждены констатировать, что контекст: ставъ прѣдъ стѣимн оградѣмн УСт к. XII, 248 – должен быть перенесен в значение 1.

²⁶ Далее эта параллель не приводится.

²⁷ В ТУ: 161 в результате ряда искажений ожидаемый перевод *на вождьствъннн оградъѣ заменен формами въждьствъннн • ѡже оградѣн, которые, по справедливому замечанию издательницы памятника, С. В. Петровой, „нарушают смысловые связи в предложении“.

чиной, способной понудить переводчика к отходу от оригинала, со значительной долей неуверенности можно было бы признать метрические соображения. Возможно, отказ от ожидаемого при точном переводе оборота *вз сватѣѣ оградѣ обусловливался тем, что со стихометрической точки зрения этот колон нарушал оба важных принципа передачи гимнографических текстов – изосиллабизм и гомотонию: он содержит семь слогов, что в рамках ирмоса Οὐκ ἐλάτρευσαν допустимо только при ударении на последнем слоге (ἀλλὰ πρὸς ἀπειλήν), но даже и при замене членной формы прилагательного на именную (**сватѣ) гомотония по-прежнему не соблюдается, так как в форме оградѣ ударение, вероятно, приходилось на корень (Колесов 2010 1: 249). При последовательности же слов, обратной греческому (оградѣ сватѣѣ), допустимо предположить (разумеется, – как и во всех случаях реконструкции ударений – сугубо гипотетически, ввиду отсутствия каких-либо прямых данных о южнославянской акцентуации кирилло-мефодиевской поры) такое акцентное изменение, при котором финальное ударение в колоне стало удовлетворять принципу гомотонии: хотя в членных формах прилагательных акцентной парадигмы с, к которым принадлежало и сватѣ (Дыбо 1981: 109; Зализняк 1985: 138), реконструируется ударение на соединительном морфе (т. е. в данном случае на -ѣ-), в южнославянских языках в этих формах отмечено распространение наосновного ударения (Зализняк 1985: 142–143); если постулировать столь раннюю метатонию, то ударение *свѣтѣѣ было параллельно προπαροxytonon *ἔλαυλιν – что, может быть, и определило выбор переводчика, пожертвовавшего порядком слов (едва ли релевантным) ради сохранения ритмической близости к греческому мелодическому образцу.

Возвращаясь к 4-му колону, считаем необходимым подчеркнуть, что последовательность синтагм, наблюдающаяся в *Ил*, – гвн бож • мѣдрѣмн прнѣѣчѣмн – не позволяет реконструировать такой облик 4-го и 5-го колонов, который соответствовал бы стихометрическим требованиям ирмоса: постановка на первое место, т. е. в 4-ю строку, косвенного объекта *Господу Богу*, с конечной формой θεῷ, нарушила бы не знающую отклонений акцентуацию на 3-м с конца слоге (ἀνδρείως πατήσαντες), а эквивалент к мѣдрѣмн прнѣѣчѣмн – *σοφοῖς παραδείγμασιν – противоречил бы правилам распределения ударений в 5-м колоне, где допустимы либо 6 слогов с ударением на 3-м с конца (ἔχαIRON ψάλλοντες), либо 7 – но с ударением на последнем (ὑπῆρχες καὶ ταπεινός MR 2: 69, καὶ ἄπλονον βιοτήν MR 3: 177). Тем самым показания семи южнославянских списков XIII–XV вв. (*Ск*, *НБКМ895*, *Z*, *Хл152*, *Хл166*, *Хл164*, *P*), демонстрирующих косвенно-объектную синтагму после инструментальной, в общих чертах явно отражают исконное состояние. Остальные различия между списками в 4-м и 5-м колонах сводятся – помимо уже разбиравшейся выше вариативности в лексическом и деклинационном оформлении дат. падежа, реконструируемого нами в виде *господн, – к следующим пунктам: 1) нечленная (как в *Ил*) / членная форма прилагательного (мѣдрѣмн в большинстве списков / мѣдрѣмн); 2) наличие

местоимения (в шести списках – *Ск, НБКМ895, Z, Хл166, Хл164, Р*) / отсутствие местоимения (в большинстве списков); 3) позиция местоимения – после прилагательного (*Ск, Хл164*) или после существительного (в остальных четырех списках); 4) выражение принадлежности посредством притяжательного либо возвратного местоимения (твонмн *Ск* vs. сн в пяти списках); 5) наличие/отсутствие союза перед формой *богъ* (н *боъ* *НБКМ895, Z, Хл166, Р* vs. бессоюзного соединения в *Ск, Хл152* и *Хл164*).

При ориентации на реконструируемый греческий оригинал (*σοφοῖς παραδείγμασιν) 4-й колон в славянском переводе может быть восстановлен в том виде, который представлен уже списком *Ил*, – *мѣдрѣмн прѣтѣчамн. Принадлежность прилагательного мѣдрѣ к окситонированной акцентной парадигме *b* (Колесов 1972: 209; Дыбо 1981: 88) дает основания реконструировать ударение на 2-м слоге, как и в σοφοῖς, – мѣдрѣмн (ср. Lehfeldt 2001: 46); у существительного прѣтѣча, относимого к акцентной парадигме *a* (Дыбо 1975: 14), ожидается ударение на последнем слоге основы (Зализняк 2011: 12, 65). Таким образом, славянский колон *мѣдрѣмн прѣтѣчамн совпадает с греческим и ударениями, и количеством слогов. На этом фоне добавление в шести списках местоимения, к тому же обнаруживающего знаменательную вариативность, скорее всего свидетельствует о попытках переписчиков дополнить колон, в котором после падения редуцированных осталось 6 слогов.

Какова роль данного колона в структуре предложения? Ранее мы, исходя из греческой параллели – атрибутивного оборота (σύριγγι τῶν θεῶν δοῦμάτων в источнике парафразирования, расценивали твор. пад. мѣдрѣмн прѣтѣчамн как замену дательного принадлежности *мѣдрѣмъ прѣтѣчамъ (Крысько 2007: 39); теперь эта трактовка наталкивается на противодействие в реконструируемом тексте греческого оригинала: единственно возможный эквивалент славянского датива – генитив **σοφῶν παραδείγματων (или тем более **σοφῶν σου παρομιῶν) – нарушал бы правило постановки ударения в 4-м колонне – непременно на третьем с конца слоге. Думается, что функция второго инструментального сочетания заключается в уточнении начального обстоятельства – добавляя приложение *σοφοῖς παραδείγμασιν (*мѣдрѣмн прѣтѣчамн), автор разъясняет смысл музыкальной метафоры *λογικαῖς ταῖς σύριγγιν (словесным пнцальмн), ср. ниже, при разборе 3-го тропаря: πληροῦσαν τὸν τοῦ Θεοῦ ποταμόν, τὴν ἐκκλησίαν (АНГ 5: 210–211) ‘наполняющий Божию реку – церковь’. Это приложение, завершающее причастный оборот, далеко отнесено от уточняемой формы, что, по-видимому, следует рассматривать как пример гипербатона, т. е. разъединения синтаксически скоординированных слов и словосочетаний, которое характеризуется К. Бругманом как „ein wichtiges stilistisches Mittel, um den Gedankeninhalt seinem Wert nach mannigfaltig abzustufen“ (Brugmann 1913: 664). Нечуждость подобных конструкций, построенных по принципу: „вначале главная часть сообщения, затем уточнения“, славянской речи подтверждается многочисленными примерами из новгородских памятников, собранными А. А. Зализняком (2004: 189–190), типа: *Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць*

новгородские смърде ‘Жизнобуд убит Сычевичами, новгородский смерд’ (XI в.) или *въ волости твоєи толико вода пити в городищаньх* ‘во владении твоём только воду пить, в Городище (у городищан)’ (XII в.).

В пятом колоне реконструкция греческого текста, означающего ‘Господу Богу’, приводит к явно неудовлетворительному результату в том случае, если мы будем опираться на бессоюзные конструкции в списках *Ск*, *Хл152*, *Хл164*: синтагма **κυρίῳ θεῷ* на два слога короче обычных колонов с конечным ударением. Проблема может быть решена постановкой между двумя божественными именами не только союза *καί*, но и усиливающей его частицы *τε* (обычно не переводившейся на славянский), ср.: **κυρίῳ τε καί θεῷ*²⁸ – *ὀπῆρχες καὶ ταπεινός*. Синтагма **господн н богъ*, являющаяся точным переводом этой строки, вновь оказывается не только изосиллабичной ирмосу (*ἔχαίρον ψάλλοντες*), но и гомотоничной ему: в дат. пад. **господн* реконструируется начальное (энклиноменное) ударение, присущее акцентной парадигме *с* (Дыбо 1975: 11), тогда как перенос ударения на проклитику, наблюдаемый в сочетаниях со словом *богъ* (Колесов 1972: 131; Дыбо 1975: 9, 15; Дыбо и др. 1990: 156–157), позволяет считать исконной акцентуацию *н богъ* (ср. Stöger 1987: 88). Синтаксическая функция датива в греческом – коммодальная; нормальное для греческого (ср. аналогичную конструкцию в приведенной выше цитате из Феоктиста Студита: *σὺ δὲ θύματα λογικὰ καὶ ἱερεῖα ἔμψυχα Κυρίῳ προσήγαγες* ‘ты же словесные жертвы и одушевленных жертвенных животных Господу привел’), подобное употребление не характерно для славянского, где в таких случаях используется предложное сочетание *къ + дат. пад.* (Мразек 1963: 233); тем самым дативное сочетание **господн н богъ*... *въгонншн* кажется правомерным определить как синтаксическую кальку. Впрочем, сам по себе глагол *въгонншн* в данном окружении также может быть признан калькой – словообразовательной и семантической: регулярный перевод *ἐλάύνω* и производных посредством *гонншн* и т. п. нередко сужал семантику греческих глаголов, сводя ее к основному значению и редуцируя сложную полисемию, включавшую такие значения, как ‘вести’, ‘устремлять, направлять’ и мн. др. (Двор.: s. v. ἐλάύνω); неудивительно, что в двух списках XIV в. (*Z* и *Хл152*) буквальный перевод заменен, как уже упоминалось, нейтральным и существенно более подходящим к контексту глаголом *въводншн*.

Следующая далее форма – четырехсложная *красотою*, представленная (за вычетом явных искажений: *P* -тж, *Ск* *оукрашень*) во всех списках, образует 6-й колон тропаря, соответствующий пятисложному колону в ирмосе (*Ἰπερὺμνητε*). Акцентологическая характеристика этого существительного, ввиду его неопределенной мотивированности, не вполне ясна; однако соот-

²⁸ Ср. также *κυρίῳ τε καί θεῷ* у Филона Александрийского, *κύριον τε καὶ Χριστόν* у Григория Нисского, *Κύριον τε καὶ Θεόν, ὑπὸ τοῦ πάντων Κυρίου τε καὶ Θεοῦ* у Евсевия Кесарийского, *Κύριός τε καὶ Θεός, Κύριον τε καὶ Θεόν* у Кирилла Александрийского, *τῷ Θεῷ τε καὶ Πατρὶ* у Климента Песнописца, *ὡς Θεῷ τε καὶ κτίστῃ* у Романа Сладкопевца и др.

несенность с *краса* и *краснѣн*, принадлежавшими к акцентной парадигме *b* (Зализняк 1985: 137), дает основания предположить, что ударение здесь могло падать на суффикс (Дыбо 1968: 161–162; ср. другие производные от слов а. п. *b*: *рабо́та*, *теплóта*, *хромóта*, *добрóта*, *щедрóта*, *мокрóта*, *пѣстрóта* – Зализняк 1985: 150). С учетом того, что наиболее вероятным прототипом слав. *красотоѣ была греческая форма *ὠραιότητι (ср.: *Κрасотою добродѣтельною украшаемъ* – *ὠραιότητι ἀρετῶν κεκοσμημένος* Stern 2: 21, № 885, *Жivotъ н красотоу н воннство тѣлесъ* – *Στρατείας καὶ ζωῆς καὶ ὠραιότητος σωμάτων* Stern 1: 621, № 6720)²⁹, мы можем и в данном случае констатировать гомологию ирмоса, греческого оригинала тропаря и славянского перевода, отличающегося от своих образцов лишь отсутствием одного (первого) слога (ср. выше пример метрически эквивалентных колонов, различающихся начальными слогами: *ἀλλὰ πρὸς ἀπειλήν – ἀγεώρητος γῆ*).

В начале 7-го колона инструментальная форма, однородная с *красотоѣ и связанная с ней союзом *н* (пропущен только в *Ск*), выступает в *Ил* и еще в 13 списках в виде *сластнѣ* (в *Р* искажено: *сластн*), а в ряде списков XIII–XVII вв. (*Ск*, *Т105*, *Пан*, *Хл164*, *НБКМ902* и др., *Ц*) выражена иным суффиксальным дериватом – *сладостню* (*Ск* *слав!*); в двух списках – *НБКМ895* и *Хл166* – далее фигурирует энклитический дат. пад. возвратного местоимения *си* (ниже дублируемый притяжательным местоимением *твоимн*). В греческом в этой части колона ударение, как правило, приходится на 4-й слог (*ὁ τῶν πατέρων Κύριος*). Обычное соответствие *сласть*, *сладость* – *γλυκασμός* (WD: 189; РГЦ: 114; Stern 3: 209, № 18849–18852), проявляющееся в контекстах типа: *Ὁ γλυκασμὸς τῶν λόγων τῆς σοφίας σου* (АНГ 7: 66) ‘сладость слов твоей мудрости’ – *Сладость словесъ твоихъ прѣмудростн твоихъ* [sic] (Stern 3: 209, № 18852), – позволяет с уверенностью реконструировать здесь последовательность *καὶ γλυκασμῶ. Идеальным эквивалентом этой синтагмы в славянском оказывается чтение большинства списков – *н сластнѣ* (конечно, без энклитики). *Сласть*, архаичное образование с суффиксом **-tь* (*sold-tь, ср. *maz-tь, *čьt-tь), встречается в старославянских памятниках почти вдесятеро чаще, нежели позднейший дериват с суффиксом *-ость* (resp. 28 и 3 примера, см. ССС: 610–611), причем наблюдается уже в древнейших евангелиях – тогда как *сладость* зафиксирована исключительно в Супрасльской рукописи³⁰. Поскольку для твор. пад. *сластнѣ* восстанавливается окончание ударение (Колесов 1972: 80; см. также Дыбо 1977: 196: *čьstьjǫ*), можно констатировать, что славянский перевод полностью соответствует метрической схеме ирмоса и реконструированного греческого текста.

В большинстве списков колонов, как уже говорилось, завершается несогласованным определением к *красоте* и *сладости*, оформленным зако-

²⁹ В WD: 84 отмечено 7 примеров существительного *красота* vs. *ὠραιότης*, в том числе в тексте 20.2 (MD 3: 176), однако там слова *красота* нет.

³⁰ Показательно исправление в позднем (XIV–XV вв.) списке „Похвалы на перенесение мощей св. Николая“, датируемой XI в.: в Сборнике РГБ, Тр. 9, 217г над формой *сластью* (*взъвесеама весь мнръ*) другим почерком приписано *до* <<http://www.stsl.ru/manuscripts>>.

номерным в данной позиции род. падежом – словесъ твонхъ. Его эквивалентом в греческом оригинале должно быть сочетание *τῶν λόγων σου. Эта реконструкция, в свою очередь, заставляет внести конъектуру в славянский текст и на месте явно вторичного, хотя и повсеместно зафиксированного шестисложного сочетания с притяжательным местоимением (твонхъ) восстановить такое же, как и в греческом, четырехсложное завершение – *словесъ сн, с энклитическим дат. падежом личного местоимения, реликтом которого в письменной традиции славянского канона, возможно, и является форма сн, неуместно употребленная в списках *НБКМ895* и *Хл166* в предшествующей синтагме (слагтню сн).

Последний колон, реконструируемый для греческого, как отмечалось выше, в виде *εἰσελεύνεις, διδάσκαλε, в славянском также изосиллабичен оригиналу: *взгоннш оучнтелю. Что же касается акцентуации, то во 2-м лице ед. ч. наст. вр. глагола гоннтн, относимого к акцентной парадигме *b* (Зализняк 2011: 118), восстанавливается праславянское ударение на *ī (ср. Дыбо 1981: 201), т. е. в нашем случае *взгонншн; финальная форма тропаря, вокатив, имела обычное для нас (хотя и проблематичное, см. Зализняк 1985: 152) ударение – *оучнтелю, которое соответствует оригиналу, – тем самым колон оказывается гомотоничным греческому.

Итак, первый тропарь седьмой песни кирилловского канона реконструируется следующим образом³¹:

1	*Словесъншн прнзываетъ прнцпалъншн	*Λογικαῖς ἀνακαλούμενος ταῖς σύριξις,	13/13
2	блажене овьца	μάκαρ, τὰ θρέμματα	6/6–7
3	въ оградѣ сватѣхъ	εἰς θεῖαν ἔπαυλιν,	7/6–7
4	мѣдрамн прнтъчамн	σοφοῖς παραδείγμασιν,	7/7
5	господн н богоу	κυρίῳ τε καὶ θεῷ	6/6–7
6	красотойѣ	ὠραιότητι	4/5
7	н сластнѣхъ словесъ сн	καὶ γλυκασμῶ τῶν λόγων σου	8/7–9
8	взгонншн оучнтелю	εἰσελεύνεις, διδάσκαλε	8/8–9

– т. е. ‘Призывая словесными свирелями – мудрыми притчами, блаженный, овец в священный загон, к Господу и Богу красою и сладостью слов своих препровождаешь, учитель’.

При сравнении с тропарем из канона Григорию Нисскому, послужившим источником парафразирования для реконструированного нами греческого текста, обращают на себя внимание не только незначительные грамматические различия (мн. ч. *σύριξις вместо ед. ч. σύριγγι и ед. ч. *ἔπαυλιν вместо мн. ч. ἐπαύλεις) или обычные лексические замены, связанные с конкретизацией применительно к реалиям (*божественные учения преподобного философа Григория замещены мудрыми притчами блаженного проповед-*

³¹ В последнем столбце перед косой чертой указывается количество слогов в славянском колоне, после черты – количество слогов, допускаемое в различных греческих тропарях, написанных на данный ирмос.

ника Кирилла) либо, наоборот, с выбором более абстрактного определения (*священный загон* вместо *загонов Церкви*), а также с меной и пропуском эпитетов (*словесные пищали* на месте *словесных овец, свирели* vs. *духовной свирели*) и отбором синонимов (Χριστῷ τῷ ἀρχιποίμενι – *κυρίῳ τε καὶ θεῷ), но и, прежде всего, обширная вставка, обусловленная метрическими соображениями – стремлением приспособить текст источника, написанный на 8-й (4-й плагальный) глас (ирмос Οὐκ ἔστιν ἅγιος), к ирмосу 4-го гласа Οὐκ ἐλάτρευσαν τῇ κτίσει οἱ θεόφρονες. Эта-то вставка, охватывающая последние три колона кирилловского тропаря, и создает в нем некоторое „нестроение“: если бы текст заканчивался сочетанием предиката (*εἰσελάυνεις) с формой dat. commodi (*κυρίῳ τε καὶ θεῷ), подобно канону Григорию (φυλάττεις Χριστῷ τῷ ἀρχιποίμενι), и смысл, и синтаксис песнопения были бы совершенно прозрачны: ‘Призывая словесными свирелями, блаженный, овец в священный загон, мудрыми притчами к Господу и Богу препровождаете’. Необходимость преобразовать текст исходя из новых стихометрических условий привела к „плетению словес“: после двух инструментальных дательных, означающих проповеди Кирилла и относившихся изначально к разным синтагмам – причастному обороту (*Λογικαῖς ταῖς σύριγξιν) и предикативной части предложения (*σοφοῖς παραδείγμασιν), создатель нового канона добавил еще один инструментальный оборот с несогласованным определением – *ὠραιότητι καὶ γλυκασμῷ τῶν λόγων σου, вследствие чего грамматическая отнесенность второй дательной конструкции (*σοφοῖς παραδείγμασιν) затемнилась (мы вынуждены постулировать здесь гипербатон), а синтаксическая структура предложения усложнилась – без сколько-нибудь существенного выигрыша для его информативной насыщенности. В славянском переводе – в целом весьма точном и умелом, вплоть до воспроизведения стихометрических особенностей, – эти сложности усугублены благодаря калькированной передаче дательной конструкции *κυρίῳ τε καὶ θεῷ... εἰσελάυνεις: оборот *господи и богу възгонши трудно признать удачным.

3. В отличие от первого, в т о р о й тропарь в древнейшем списке представлен, как может показаться, синтаксически вполне связным текстом:

Не оустрашна оучителю воннь|скъ • едннъ взннтн въ пъл'къ жн|довьскъ •
 в'сѣхъ народъ нхъ • прѣ|мжстнѣ [описка, вм. прѣмѣдростнѣ] рззвѣр' же стълпъ
 • тако | н онъ ханаоньскъ • пррчьскамн | прнтъчамн • (Ил, 130г8–13).

В тропаре аллюзируются дискуссии Константина с иудейскими мудрецами во время хазарской миссии (ЖК IX–XI, в особенности X). Интерпункция в *Ил* в основном соответствует делению на колоны, диктуемому ирмосом Οὐκ ἐλάτρευσαν τῇ κτίσει οἱ θεόφρονες, за исключением необозначенной границы между 2-м и 3-м колонами (после взннтн).

В 1-й строке очевидна стихометрически важная функция обращения, на которое приходится единственное обязательное (инвариантное) в этом колоне ударение на 7-м слоге (τῇ κτίσει): славянской форме *оучителю, без

сомнения, соответствует *διδάσκαλε³². Для 13-сложного колона это означает, что на форму предиката с отрицанием остается 5 слогов, а на завершающее слово – 4 слога. Все списки³³ демонстрируют полное единство в выражении предикативного центра, что позволяет нам с уверенностью реконструировать для первоначального текста тропаря зачало *Не оустрашна, с вероятным ударением на корне (Дыбо и др. 1990: 82; Дыбо 2000: 563; Зализняк 2011: 130). Восстановление его греческого прототипа связано, однако, с некоторыми трудностями, так как регулярного эквивалента для славянского глагола среди синонимичных греческих лексем не существует – только SJS отмечает 6 параллелей (δειλιῶν, ἀποδειλιῶν, φοβεῖσθαι, ὑποπτήσσεσθαι, πτοεῖσθαι, φρίσσειν). В указателе Д. Штерна инципиту Не оустрашна соответствуют аористы Οὐ κατεπλάγης и Οὐκ ἔφριξας (Stern 2: 301, № 11896, 11898)³⁴. В осенних минеях (Яг.) зарегистрированы параллели не оустрашнахса кси (0179) – οὐκ ἐδειλίασας (MR 1: 227), не оустрашна (217) – οὐκ ἐπτοήθης (MR 1: 567), не оустрашнахса (176) – οὐκ ἐπτήξατε (572), Не оустрашоуца (194) – Οὐ πτοοῦμαι (MR 1: 542), не оустрашнахса (132) – μὴ πτήξας (MR 1: 462), не оустрашьшаса (178) – μὴ πτοηθέντες (MR 1: 462), не оустрашьшеса (169) – μὴ δειλιάσασαι (MR I: 503), не оустрашнахса кси (467) – οὐκ ἐδειλίασας (MR 2: 285). В Путятиной минее греческой форме πτήξαντες соответствуют оустрашнахса (ПМ: 9г) и оустрашнахса (85v); в декабрьской Минее 2-е л. не оустрашна появляется на месте греч. οὐ κατέπτηξας (MD 1: 124) и οὐκ ἔπτηξας (MD 3: 274); в Синаксаре в одном из отпустительных тропарей наблюдается параллель оустрашнахса – ἔπτηξαν (Синакс.: 114). В греческих минеях, для которых мы не располагаем славянскими переводами, в аналогичных контекстах встречаются Οὐκ ἐπτήξατε (MR 4: 253), Οὐ κατέπτηξαν (АНГ 12: 210), οὐ κατέπτηξας (АНГ 5: 320, АНГ 9: 80), у Романа Сладкопевца – οὐ κατέπτηξας (*Cantica dubia*). Исходя из метрических соображений, в качестве вероятных греческих прототипов слав. *Не оустрашна в анализируемом тропаре можно было бы реконструировать Οὐ κατέπτηξας (ср. в ирмосе Οὐκ ἐλάτρευσαν), Οὐ κατεπλάγης, Οὐκ ἐπτοήθης (ср. в других тропарях на данный ирмос: Ἰωακείμ τε καὶ Ἄννα μακαρίζονται MR 1: 83; Δορυφορεῖτωσαν σήμερον τὰ σύμπαντα MR 2: 230). Ориентируясь на наиболее частотную метрическую схему, с ударением на 3-м слоге, предпочитаем остановиться на варианте *Οὐ κατέπτηξας, гомотоничном славянскому.

Последняя форма 1-го колона особенно трудна для реконструкции, так как по спискам в этой позиции фигурируют:

1) прилагательные, причем: а) в именной (вонньскъ *Ил*) и б) в членной форме (вонньскын *T98, В, Л, Вар, -кїѣ Поч*);

³² Паронимически искаженным чтением *Л* ѣтлю, разумеется, можно пренебречь.

³³ За вычетом *P*, где вместо отрицательной частицы зафиксировано явно бессмысленное *Се* – результат вписывания киноварного инициала художником, не считывавшимся в содержание текста.

³⁴ В инципите № 11897: Не оустрашна / Μὴ δειλιάσας – славянская форма, судя по греческой параллели, восходит к причастию оустрашьса.

2) наречия: а) от той же основы (вонньскы *С, Т104, Т105, Гр, Др, Пал, НБКМ895, Z, Пан, НБКМ902, НБКМ141, Пог*), б) от других, но однокоренных основ (*Хл166* воннчскы, *Хл164* вонскы), в) от других прилагательных (*Ск мжжескы, Хл152* храборскы);

3) причастный оборот с существительным (*Ц воннь сы*)³⁵;

и, наконец, просто испорченное чтение – 4) существительное в неопределенном падеже (*Р вонньствн*).

Первый из вариантов, т. е. прилагательное – определение к вокативу учителя, должен быть отвергнут по содержательному критерию: книжник и проповедник, посланный в Хазарию с сугубо мирной миссией, Константин никак не мог быть назван „воинским учителем“; еще менее заслуживает он определения „будучи воином“ (чтение *Ц*, явно искаженное из вонньскы). Семантически оправданно в данном контексте только наречие, характеризующее действия Константина, который вошел в сонмище идейных противников смело, *подобно воину* – т. е. вонньскы. К этому наречию очевидно восходят все остальные чтения 2-й группы, представляющие собой словообразовательные варианты и синонимы первоначальной лексемы – продукт индивидуального творчества переписчиков. Из этой же исходной формы могут быть легко выведены и прочие разночтения, обусловленные ошибочным соотношением наречия с соседним обращением и/или восприятием формы на -ы как стяженной членной формы прилагательного.

Установление греческого источника рассматриваемого наречия, к сожалению, усложняется тем, что в известных нам словарях и словоуказателях наречие вонньскы засвидетельствовано одним-единственным примером, который по значению не вполне соответствует разбираемому контексту: в ты же дни нечъстивыи анастасии, нечъстивьно нача дръжати щёнъство. воиньскы а не по числу бжю блгочъстия (УСб: 145а; ср. Сл XI–XVII, 2: 308) – στρατιωτικῶς καὶ οὐ ψήφῳ Θεοῦ εὐσεβείας (Stephanus Diaconus, *Vita Stephaniae Iunioris*, 10) ‘по-солдатски, по-военному’. Еще одно употребление однокоренного наречия: овъ же воннчскы подобьнъ възвъ въ съборы небесънхъ воннъ възпсаетьса (Стих XII: 115г – о войне Иоанне, ставшем соратником св. Кира) – обязано своим появлением неточному переводу, ср.: ὁ δὲ στρατιωτικοῖς ἐνδιαπρέψας καταλόγοις, ταῖς οὐρανίαις στρατολογίαις πολιτογραφεῖται (MR 3: 448) ‘отличившись в воинских списках, причисляется к небесным воинствам’, где στρατιωτικοῖς, по-видимому, было смешано с στρατιωτικῶς (ср. аналогичное давдыдскы – Даυῖτικοῖς в ИК: 84–85 и Стих XII: 15г). Однако даже абстрагируясь от семантических различий, мы вынуждены признать, что наречие στρατιωτικῶς в качестве оригинала слав. *вонньскы в исследуемом колоне едва ли возможно, поскольку оно состоит из пяти слогов вместо ожидаемых (и единственно допустимых) четырех. Это обстоятельство заставляет нас обратить внимание на другое греческое соответствие к славянским образованиям с корнем вон-

³⁵ В публикации (Кръстанов 2000: 211) – неверно: в ннь сы.

хотя и далеко не такое частотное, как образования на *στρατ*-³⁶, но все же документированное целым рядом примеров, – а именно слова с корнем *πολεμ*-. В переводе 12 пророков с толкованиями корреляция *вон*-/*πολεμ*- встречается 6 раз (Дв. прор.: 381–382); в Хронике Георгия Амартола прилагательное *πολεμικῶς* дважды передается существительным *вонникъ*³⁷, по одному разу – прилагательными *вонньскъин* (ГА 1: 207; в др. сп. *вонск-*) и *вонскъин*; кроме того, наречие *πολεμικῶς* переведено предложно-падежной конструкцией *съ вон*; в соответствии с субстантивированным прилагательным *πολέμιος* среди многих других параллелей фигурирует причастие *воюѡ*, мн. ч. *οἱ πολέμιοι* передано как *вон* (ГА 3: 152); в „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия мн. ч. от *πολέμιος* один раз переведено как *вон* (ИИВ 1: 220, 540; ИИВ 2: 697). Все эти факты дают некоторые основания восстановить для трех заключительных слогов 1-го колона лексическое наполнение в виде наречия **πολεμικῶς*. Эта реконструкция не подкрепляется прямым соответствием *πολεμικῶς* – *вонньскъи* в известных нам источниках, более того, в переводе 16 слов Григория Богослова на месте *πολεμικῶς* выступает наречие *ратънѣ* (Гр8: 311а); тем не менее, учитывая редкость этой лексемы в переводных, и особенно гимнографических, текстах и очевидные синонимические отношения в гнездах *рат*- и *вон*-, мы останавливаемся на предложенном варианте вплоть до обнаружения каких-либо аргументов в пользу иной лексемы.

Реконструированная таким образом 1-я строка тропаря имеет вид **Οὐ κατέπτηξας, διδάσκαλε, πολεμικῶς*, что в стихотметрическом отношении идентично, например, колону *Μεμακάρισται ὁ Πέτρος παρὰ τοῦ Χριστοῦ* (MR 5: 409).

Второй колон образует инфинитивная группа, выполняющая в предложении роль дополнения при предикате *Не оустрашнса*, – *ѣдннѣ възнтн*³⁸. Этот колон изосиллабичен ирмосу (*παρὰ τὸν κτίσαντα*), но не гомотоничен ему, поскольку конечное ударение, постулируемое для данного инфинитива (Зализняк 2011: 107), в греческих шестисложных колонах невозможно. Для греческого оригинала тропаря допустимо было бы реконструировать словосочетание **μόνος εἰσέρχεσθαι*, которое находит лексическое соответствие в таких пассажах, как *μόνος εἰσέρχεται ὁ ἀρχιερεὺς* у Иоанна Златоуста, *μόνος εἰσερχόμενος* у Георгия Сикеота и Иоанна VI Кантакузина. Однако морфологическое соответствие *εἰσέρχεσθαι* – *възнтн*, подтверждаемое лишь немногочисленными параллелями (например, *χοτάщему... възнтн* ГА 1: 252 – *μέλλοντι... εἰσέρχεσθαι, χοτάщю... възнтн* ГА 1: 349 – *μέλλοντος... εἰσέρ-*

³⁶ Текстовый поиск по инципитарию Д. Штерна (Stern 1–3) подтверждает регулярное соответствие образований с корнем *вон*- греческим лексемам с корнем *στρατ*-. Та же картина наблюдается в декабрьской Минее (WD) и в переводе Синаксаря на сентябрьскую половину года (Синакс.).

³⁷ Второй пример, не отмеченный в „Греческо-славянском словаре“ В. М. Истрина (ГА 3), находится в его издании (ГА 1) на с. 300, строка 21.

³⁸ В *НБКМ141* вся синтагма от *ѣдннѣ* до *ждювьскъ* по явному недосмотру писца пропущена.

χεσθαι), существенно уступает по регулярности соответствию $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ – $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ (аорист), ср.: $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ • $\nu\zeta$ $\chi\epsilon\tau\omicron\gamma\omega\zeta$ (Син319: 29) – $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\omicron\nu$ $\nu\upsilon\mu\omega\tilde{\nu}\alpha$ (TR: 49), $\chi\omicron\tau\alpha\chi\omicron\upsilon$ $\nu\zeta$ $\nu\rho\alpha\tau\alpha$ $\gamma\rho\alpha\delta\tilde{\nu}\alpha\iota\alpha$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ – $\epsilon\tilde{\mu}\epsilon\lambda\lambda\omicron\nu$ $\tau\acute{\alpha}\varsigma$ $\pi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ (Синакс.: 762), $\nu\zeta$ $\beta\eta\sigma\tau\upsilon\beta\eta\nu\omicron\gamma\eta$ $\lambda\omicron\zeta\eta\eta\eta\eta\zeta$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ – $\pi\rho\acute{o}\varsigma$ $\tau\omicron\nu$ $\theta\epsilon\iota\omicron\nu$ $\nu\upsilon\mu\omega\tilde{\nu}\alpha$ $\epsilon\iota\sigma\tilde{\eta}\lambda\theta\epsilon\varsigma$ (MD 3: 303), $\chi\omicron\tau\alpha\chi\eta\mu\tilde{\omega}\dots$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ (ГА 1: 252) – $\epsilon\pi\iota\chi\epsilon\iota\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\alpha\varsigma$ $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ и т. п. С другой стороны, попытка завершить реконструируемый греческий колон формой $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ или причастной формой $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\acute{\omega}\nu$, которая соответствовала бы причастию $\nu\zeta\eta\eta$ в $\chi\lambda\iota 64$, выступающему в роли второстепенного сказуемого при Ne $\omicron\upsilon\sigma\tau\rho\alpha\sigma\eta\varsigma$, наталкивается на противодействие стихометрии: финальному $\omicron\upsilon\tau\omicron\pi\omicron\nu$ или $\rho\epsilon\tau\iota\sigma\rho\omicron\mu\epsilon\pi\omicron\nu$ в данном колоне должны были бы предшествовать еще два слога, ср.: $\ast\ast\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ – $\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ – $\delta\alpha\kappa\rho\acute{\upsilon}\omega\nu$ $\epsilon\pi\iota\rho\acute{\rho}\omicron\alpha\iota\varsigma$ (MR 1: 130), $\rho\rho\omicron\phi\eta\tau\iota\kappa\alpha\iota$ $\tau\omicron\upsilon$ $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$ (АНГ 4: 137), $\text{H}\lambda\iota\omicron\upsilon$ $\tau\omicron\upsilon$ $\nu\omicron\eta\tau\omicron\upsilon$ (PaR: 748), – однако в текстуальной истории тропаря такого „заполнителя“ для срединных слогов не обнаруживается.

Отмеченные сложности заставляют с вниманием отнестись к отклонениям в порядке слов, демонстрируемым двумя списками XII–XIII вв.: в *Ск* инфинитив находится перед $\epsilon\delta\eta\eta$, а в *T98* – после слова $\nu\zeta\alpha\kappa\tilde{\omega}$ ($\epsilon\delta\eta\eta$ $\nu\zeta$ $\nu\zeta\alpha\kappa\tilde{\omega}$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ $\eta\delta\omega\tilde{\nu}\omega\zeta\eta\eta$). При сравнении этих показаний следует иметь в виду, что текстологическая ценность различий *Ск* невелика – писец этой не дошедшей до нас рукописи позволял себе множество вольностей, нередко до неузнаваемости изменяя первоначальный текст; кроме того, перестановка $\epsilon\delta\eta\eta$ и $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ только еще более отдаляет от реконструкции греческого оригинала, сопоставимого с имеющимися образцами: схемы с ударением на предпоследнем слоге (как в $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$) во 2-м колоне неизвестны. Напротив, уникальный вариант *T98* с дистантным расположением членов двух словосочетаний ($\epsilon\delta\eta\eta$ ... $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ и $\nu\zeta$ $\nu\zeta\alpha\kappa\tilde{\omega}$ ... $\eta\delta\omega\tilde{\nu}\omega\zeta\eta\eta$) можно было бы рассматривать как прямое отражение инверсии, характерной для греческого синтаксиса, и особенно для гимнографии. Учитывая весьма частотную параллель $\nu\zeta\alpha\kappa\tilde{\omega}$ – $\phi\acute{\alpha}\lambda\alpha\gamma\zeta$ (WD: 169; ср.: $\beta\eta\sigma\tau\upsilon\beta\eta\eta\eta$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ $\eta\delta\omega\tilde{\nu}\omega\zeta\eta\eta$ – $\tau\acute{\alpha}\varsigma$ $\tau\omicron\nu$ $\delta\alpha\iota\mu\acute{o}\nu\omega\nu$ $\epsilon\pi\acute{\omicron}\rho\theta\eta\sigma\alpha\varsigma$ $\phi\acute{\alpha}\lambda\alpha\gamma\gamma\alpha\varsigma$ MD 1: 411, $\nu\zeta\alpha\kappa\tilde{\omega}$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ $\eta\delta\omega\tilde{\nu}\omega\zeta\eta\eta$ $\epsilon\chi\theta\rho\acute{\omega}\nu$ MD 2: 414), во 2-й строке в соответствии с конструкцией $\epsilon\delta\eta\eta$ $\nu\zeta$ $\nu\zeta\alpha\kappa\tilde{\omega}$ мы могли бы восстановить греч. $\ast\ast\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\phi\acute{\alpha}\lambda\alpha\gamma\gamma\alpha$, что в метрическом отношении давало бы колон, полностью соответствующий ирмосу.

Однако в таком случае третий колон, согласно чтению *T98*, должен был бы выглядеть в греческом как $\ast\ast\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ $\text{E}\beta\rho\alpha\iota\acute{\omega}\nu$ / $\text{I}\omicron\upsilon\delta\alpha\iota\acute{\omega}\nu$, или $\ast\ast\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ $\tau\omicron\nu$ $\text{E}\beta\rho\alpha\iota\acute{\omega}\nu$, или $\ast\ast\epsilon\iota\sigma\epsilon\rho\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\text{E}\beta\rho\alpha\iota\acute{\omega}\nu$, или $\ast\ast\epsilon\iota\sigma\iota\epsilon\nu\alpha\iota$ $\text{E}\beta\rho\alpha\iota\acute{\omega}\nu$ ³⁹, или $\ast\ast\epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\epsilon\iota\nu$ $\text{I}\omicron\upsilon\delta\alpha\iota\acute{\kappa}\eta\nu$. Ни один из этих вариантов не укладывается в метрические рамки ирмоса или каких-либо других тропарей, написанных на данный ирмос: при наличии в колоне семи слогов последний должен быть ударным ($\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $\nu\rho\acute{o}\varsigma$ $\acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\lambda\acute{\eta}\nu$), в колоне из шести слогов

³⁹ Ср.: $\chi\omicron\tau\alpha\chi\omicron\upsilon$ $\tau\eta$ $\nu\zeta\eta\eta\tau\eta$ • $\nu\zeta$ $\epsilon\sigma\alpha\tau\tilde{\omega}\eta$ $\gamma\rho\alpha\delta\tilde{\nu}\alpha$ (TrVoc: 1r) – $\text{M}\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\nu\tau\acute{o}\varsigma$ $\sigma\omicron\upsilon$ $\epsilon\iota\sigma\iota\epsilon\nu\alpha\iota$ (TR: 611).

ударение падает на третий с конца слог (μητέρα ἔσεσθαι), а восьмисложных колонов (по типу **εἰσελθεῖν Ἰουδαϊκῆν) в этой стихометрической модели не бывает. Кажется, единственный приемлемый вариант должен был бы звучать как **τῶν Ἑβραίων εἰσελθεῖν – однако такая реконструкция означала бы насилие над славянской традицией, совершенно не знающей различий с инфинитивом възнѣти в конце синтагмы.

В итоге при восстановлении первоначального славянского текста 2-го колона мы вынуждены вернуться к чтению подавляющего большинства списков – *ѣднѣ възнѣти, допуская для его греческого оригинала оборот *μόνος εἰσέρχεσθαι.

Словосочетание възпѣкъ жѣдовьскъ демонстрирует по спискам следующие различия:

- 1) в *Др* обстоятельство выступает без предлога (възнѣти пѣль);
- 2) в *Хл152* и *Хл164* существительное имеет форму мн. ч. – пѣлькы;
- 3) в *Л* на месте пѣлькы фигурирует другое существительное – нарѣ;
- 4) прилагательное имеет нечленную форму только в двух списках – *Ил* и *Ск*, между тем как в большинстве списков фиксируется членная форма на -кън (*С, Т104, Т98, В, Т105, Гр, Др, Пал, З, Ц, Л, Вар, Поч*), а в остальных – форма на -кы, которая в зависимости от числа существительного трактуется либо как стяженная ед. числа (*НБКМ895, Пан, Хл166, НБКМ902, Р, Пог*), либо как мн. ч. (*Хл152, Хл164*).

Первое различие можно было бы интерпретировать как реликт первоначального состояния – архаический винительный цели при глаголах движения, засвидетельствованный в памятниках письменности далеко не единичными употреблениями, в том числе и при глаголе възнѣти (Крысько 2006: 59–60); основания для определенного скептицизма дает тот факт, что *Др*, как и *Ск*, дошел до нас лишь в копии XIX в., – однако то же чтение наблюдается и в перепечатке издания А. Александрова, осуществленной Й. Ивановым с сохранением графических особенностей рукописи, фотокопией которой располагал болгарский ученый (Иванов 1931: 296).

Второе различие, скорее всего, объясняется подравниванием существительного под стяженную форму прилагательного, воспринятую отдельными писцами как именная форма мн. ч.

Третье различие, выбивающееся из общей военной стилистики тропа, отражает индивидуальную замену окрашенного слова нейтральным.

Наконец, ввиду большей древности именной формы, вполне уместной в данном контексте, при первом упоминании иудейских оппонентов Константина, правомерно признать написание *Ил* исконным.

При реконструкции первоначального славянского текста в виде предложно-падежного сочетания възпѣкъ жѣдовьскъ 3-й колон по числу слогов равен греческому ирмосу – ἀλλὰ πρὸς ἀπειλήν, а если принять во внимание возможность ударения жѣдовьскъ (ср. *жѣдовескъ* – Зализняк 2011: 300), то по крайней мере в 4-м слоге греческий и славянский тексты обнаруживают гомотонию. В том же случае, если мы постулируем в качестве исходной

архаичную беспредложную конструкцию – *плъкъ жндовьскъ, славянский колон оказывается изосиллабичным модели μητέρα ἔσεσθαι.

При восстановлении греческого колона необходимо учитывать то обстоятельство, что формы род. пад. мн. ч. Ἑβραίων / Ἰουδαίων, с ударением на предпоследнем слоге, недопустимы ни в основной модели, представленной ирмосом, ни в модели μητέρα ἔσεσθαι. Тем самым единственно возможным соответствием слав. жндовьскъ остается прилагательное Ἰουδαϊκός (ср. у Романа Сладкопевца: τὸν Ἰουδαϊκὸν θεσμόν). Существительное, с которым согласуется это определение, – т. е. параллель к слав. плъкъ – по метрическим требованиям должно состоять из двух слогов, что не оставляет места для предлога; в принципе беспредложный аккузатив при глаголах движения с приставкой εἰς- возможен (см. LS: 494), ср.: τὴν ἐμὴν βασιλείαν εἰσελθόντες (АНГ 8: 364), ποίαν εἰσέλθω πύλην (Симеон Новый Богослов), ἔμελλον τὰς πύλας τῆς πόλεως εἰσελθεῖν (Синакс.: 762), εἰσερχόμενος τὸν σωλέαν (Иоанн VI Кантакузин). Анализ обычных славяно-греческих соответствий (см. Крысько 2009в: 12) заставляет избрать для данного контекста форму στίφος, ср.: αἰρέσεων τὸ στίφος (MR 2: 58) – ерьсьскын плъкъ (Яг.: 309); ранее в кирилловском каноне мы уже сталкивались с переводом этой лексемы как съньмъ (6-я песнь, см. Крысько 2009в: 20). Итак, 3-й колон, переданный в славянском словами *(въ) плъкъ жндовьскъ, в оригинальном тексте, по-видимому, звучал как *στίφος Ἰουδαϊκόν.

Следующая далее конструкция в 11 списках начинается с определительного местоимения (Ил в'сѣхъ народъ нхъ), которое, однако, с семантической точки зрения не кажется уместным: поскольку антецедентом местоимения нхъ безусловно являются жндове, имплицитно представленные в относительном прилагательном жндовьскъ (см. Кузнецов и др. 2006: 23–24), непонятно, что означает выражение *все народы их*, – это явно не племена израильские, но и не ‘толпы’ (SJS 2: 309) – ведь Константин вел диспут лишь с группой иудейских мудрецов. В списках *НБКМ902* и др. на этом месте фигурируют различные написания местоимения въсакъ, грамматически также соотнесенного с народъ, но уже в качестве вин. пад. ед. ч. – дополнения при разврьже (причем синтагма в'сѣ же нарѣ ѿ мѣдростіа разврьже ограничена точками); семантические сложности при этом чтении еще более усугубляются. В позднейшем списке *Пог* в той же функции выступает въсь, а словосочетание нарѣ ѿ непосредственно приближено к разврьже вследствие переноса моуѣрѣгѣю в конец синтагмы. Очевидно, и въсѣхъ, и въсакъ (и производное от одного из этих чтений въсь) восходят к общему источнику – причастию *съськъ, сохраненному целым рядом списков – *НБКМ895*, *Z*, *Хл152*, *Хл166*, *Хл164*, *P* съськъ, *Ск* съськы (см. Гошев 1938: 112; Райков 1969: 208–209). Использование глагола съсьщн в переносных значениях ‘поразить, победить’, ‘уничтожить, разгромить, разрушить’ хорошо документировано в исторической лексикографии, причем прежде всего цитатами из миней (Срезн. 3: 839, 840, Сл XI–XVII, 27: 164, 166), но распространение такого употребления изначально обусловлено, вероятно, контекстом из Псалтыри: съськжъ отъ лица

его врагъзъ его συγκόψω Пс 88:24 Син (SJS 4: 342). Указанные параллели дают нам все основания реконструировать греческий оригинал причастия *съсъкъзъ, которое, как справедливо отметил К. Нихоритис (1990: 84), „отражая наиболее точно предполагаемый смысл на оригинала“, в форме *συγκόψας, метрически соответствующей форме ἀνδρείως в ирмосе.

Объект при этом причастии в большинстве списков выражен ед. числом народъ, а в трех относительно поздних списках (*Хл152, Хл164, Р*) – мн. числом народы, едва ли оправданным ввиду того, что, как уже было сказано, речь в тропаре идет о дискуссии Константина с одной группой оппонентов. Среди значений слова народъ наиболее подходящим в данном контексте является ‘толпа, скопище, сонм’, а греческой параллелью могло бы в принципе служить любое из зафиксированных в SJS 4: 342 соответствий, в том числе ὄχλος, πλῆθος, δῆμος, – если бы на выбор параллели не накладывал ограничений стихометрический фактор: в семисложном колоне после *συγκόψας может следовать только форма с „дактилическим“ окончанием типа πατήσαντες, и с учетом безударного статуса формы *αὐτῶν⁴⁰, соответствующей слав. нхъ, единственным приемлемым эквивалентом для слова народъ становится аккузатив *λαόν (‘people assembled’ – LS: 1029), обеспечивающий в колоне ударение на третьем с конца слоге, – *συγκόψας λαὸν αὐτῶν. Тем самым в строке не находится места для союза же, присутствующего во всех списках, кроме древнейшего, – но даже и без этого союза славянский колон все же оказывается на один слог длиннее, чем его греческий оригинал, хотя и сохраняет обязательное ударение на 5-м слоге: *съсъкъзъ народъ нхъ.

Следующая форма демонстрирует по спискам обычное варьирование прѣмѣдростнѣ (*Ил* и другие восточнославянские списки, а также сербские *НБКМ895* и *Хл166*) / мѣдростнѣ (остальные списки, в том числе все среднеболгарские). Принимая во внимание изначальную соотношенность приставочного образования с божественной Премудростью (Верещагин 1997: 85), в данном контексте мы можем с уверенностью реконструировать беспрефиксную форму, которая, с учетом исконного ударения на суффиксе (Дыбо 1968: 161), оказывается гомотоничной своему греческому прототипу – форме *σοφία. Что же касается следующего далее глагола, то единственное различие, отраженное в списках *Гр, Др, Ск, Р*, – это замена исконного *развръже формально и семантически близким развръже (ср. в SJS 3: 560–561 сходные толкования развръстн ‘разбить, расколоть, разорвать’ и развръщн ‘расколоть, разбить, уничтожить’ – с одним и тем же греческим διαρρήγνυμι, но при явной первичности семы раскрытия в развръстн, ср. отвръстн). После *σοφία аористная форма, соответствующая *развръже, в колоне, состоящем из 6–7 слогов⁴¹, могла бы включать геср. три или четыре слога, однако четырехсложный вариант приходится сразу отвергнуть, так как он допустим лишь с

⁴⁰ См. примеч. 17.

⁴¹ Пятисложный вариант ἐξανθήσασα (PaR: 748) уникален.

конечным ударением (ὀπῆρχες καὶ ταλεινός; τὸν τοῦ Κυρίου σταυρόν TR: 388–389), непредставимым во 2-м лице ед. ч. аориста. Тем самым напрашивающийся префиксальный эквивалент к *развьрже – διέρρηξας – отпадает, и единственным приемлемым вариантом остается бесприставочная форма *ἔρρηξας, гомотоничная форме ἔψαλλον в ирмосе. О том, что соответствие образований с ραζ- греческому ῥήγνυμι не было чуждо славянским переводам, свидетельствует следующая параллель: Развьрглъ еси сьмьртынаѧ врата – Ῥῆξας θανάτου τὰς πύλας (Stern 3: 29). В итоге мы получаем в славянском семисложный колон *мѣдростнѣ развьрже, отличающийся от греч. *σοφία ἔρρηξας как количеством слогов, так и финальным ударением (см. Дыбо 2000: 557).

В тех списках, где на месте *сьськъ выступает вьсьхъ, дополнением к развьрже является стльпъ, на что указывает и интерпункция – точка после словосочетания развьрже стльпъ; возникающее в результате этой замены предложение с содержательной точкой зрения более чем странно – ‘ты разрушил столп всех их народов мудростью’. Первоиздатель канона (по списку *Гр*), В. И. Григорович (1865: 259), полагал, что „родит. пад. множ. числа народъ относится к слову плкъ, как имени собирательному“, т. е. относил народъ к предыдущей синтагме – по-видимому, со значением типа ‘(войти в) сонм евреев, всех племен их’. А. В. Горский (1865: 277), в распоряжении которого также не было первичного варианта, введенного в научный оборот только благодаря публикации *Ск* (Радченко 1907: 161) и интерпретации чтения *Ск* сьськы как „по-право“ в работе И. Гошева (1938: 112), попытался преодолеть семантические препоны посредством вставки в русский перевод дополнительного причастия, отсутствующего в славянском тексте: „разорил созданный всенародною их мудростию столп“, – что, разумеется, не может быть признано удовлетворительным решением. Д. Кристианс, оставшаяся в неведении относительно разночтений, всецело следует за *С* (и тремя совпадающими с ним списками), давая буквальный перевод „durch Weisheit aber hast du die Säule all ihrer Geschlechter... eingerissen“ (MF 2: 346). Наконец, в новейшем болгарском переводе, опирающемся на *Гр*, род. пад. народъ почему-то истолкован в необычном для генитива целевом значении: „За всички народи“ (Клим.: 569) – с опущением определения нхъ и распространением действия с иудейских мудрецов как объекта разрушения на все народы как бенефициант этого разрушения.

В тех списках, где *сьськъ заменено на вьськъ/вьсь, в качестве объекта при развьрже функционирует народъ, что, как уже отмечалось, порождает не менее сомнительный смысл – ‘ты уничтожил каждый (*Пог* весь) их народ мудростью’.

Наконец, в списках, сохраняющих исконное чтение с причастием *сьськъ, народъ непосредственно зависит от этой формы, но также и от развьрже, и смысл предложения становится прозрачным: ‘сборище их, победив мудростью, ты разметал пророческими притчами’⁴².

⁴² Ср. определение 1-го значения в Сл XI–XVII, 21: 164: ‘разрушить, разметать’.

Далее в большинстве списков идут слова *стълпъ ѡко* (обычно с точкой между ними), и лишь в *T105* наблюдается последовательность *ѡко стълпъ*, которая открывает сравнительный оборот, уподобляющий разгон иудейского соборища разрушению некоего столпа. С точки зрения славянского синтаксиса постройка *ѡко* не в начале сравнения аномальна, для греческого, однако, такая позиция вполне обычна – и может повторяться в переводах, ср. хотя бы примеры, приведенные в Крысько 2009в: 30, 38, в частности, *περὶ σοῦ ὄσπερ γέγραπται* (MR 4: 412) – о тебе же [вм. аже] писано есть (T110: 107r), *ἠκονημένον ὡς βέλος* (MR 1: 345) – изостреноу *ѡко* стрѣлоу (Яг.: 42)⁴³. На этом фоне показания 23 списков, вероятно, должны трактоваться как воспроизведение порядка слов оригинала, а чтение *T105* – как изолированная попытка приблизить синтаксис тропаря к живой речи; в то же время пунктуация большинства списков свидетельствует о том, что инверсия была непонятна и другим писцам, которые стремились упорядочить славянский синтаксис путем разнесения *стълпъ* и *ѡко* по разным синтагмам. С учетом ирмоса (Ἰπτερύμνητε) и некоторых отклоняющихся от него тропарей (προνοομένη АНГ 12: 261) греческий оригинал 6-го колона может быть восстановлен в виде пятисложной строки с ударением на предпоследнем слоге: *τὸν πύργον ὄσπερ, тогда как славянский колон *стълпъ ѡко оказывается на один слог короче, хотя и гомотоничен греческому в последних слогах⁴⁴.

Название столпа по спискам варьируется: помимо *ѡко стълпъ* в *Ил* и *В*, встречаются членная форма этого же прилагательного (*T105*, *Гр*, *Пал*, *Пог ѡко стълпъ*), формы с иной огласовкой корня (*З ѡко стълпъ*; *T104*, *НБКМ895*, *Хл166*, *Ц ѡко стълпъ*, *С ѡко стълпъ*, с графическим смешением *ѡ* и *ѡ* либо с недописанной при переносе основой на *-ѡн-*; в *T98* почему-то жен. род – *ѡко стълпъ*) и другой основой (*Др*, *Вар ѡко стълпъ*, *Пан*, *Хл164*, *НБКМ902*, *НБКМ141* -кы, *Поч ѡко стълпъ*)⁴⁵, образования от других корней (*Ск ѡко стълпъ*⁴⁶, *Хл152 ѡко стълпъ*⁴⁷; *Л ѡко стълпъ*; *Р ѡко стълпъ*)⁴⁸.

О том, что это за столп, в научной литературе было высказано несколько гипотез. А. В. Горский (1865: 277), не знавший о существовании варианта *ѡко стълпъ*(н), в своем переводе кирилловского канона без каких-либо ого-

⁴³ См. также ниже: τὸν Χαλάνης ὡς τὸ πρὶν πύργον ‘как прежде Халанский столп’.

⁴⁴ Чтение текстологически малорелевантных списков *Ц*, *НБКМ141*, *Вар ѡко* же, по всей видимости, является поздним вариантом.

⁴⁵ В старославянских памятниках зафиксированы только формы с основами *ѡко стълпъ* (Син, Супр), *ѡко стълпъ*-, *ѡко стълпъ*- (Зогр, Сав, Мар, Супр) (SJS).

⁴⁶ В издании К. Ф. Радченко (1907: 161) форма сопровождается вопросительным знаком. В издании Й. Иванова (1931: 294) – *ѡко стълпъ*, однако эта публикация осуществлена, по-видимому, не по рукописи (следы которой потеряны), а по изданию Радченко, причем отличия двух изданий, никак не оговоренные Ивановым, скорее всего объясняются неточным воспроизведением текста первой публикации во второй (ср. на той же странице: оуцнтелю, ложсна vs. оуцнтелю (sic), ложсна у Радченко).

⁴⁷ В издании Б. Ст. Ангелова (1967: 15) ошибочно *ѡко стълпъ*, к тому же с примечанием: „Вместо *ѡко стълпъ*“.

⁴⁸ Далее знак + с такой же выноской на поле, которая, однако, перечеркнута, и на этом тропарь обрывается, хотя далее оставлена одна незаполненная строка.

ворок, т. е. как само собой разумеющуюся конъектуру, передал стълпъ... ханаанѣскъин списка С словосочетанием „столп Халанский“, назвав в скобках библейский источник – Быт 10:10; 11:2, 4. Тем самым ученый отождествил сравнительный оборот тропаря с историей о строительстве башни в земле Сеннаар, среди городов которой упоминаются Вавилон и *Халне* (греч. Χαλαννη):

Быт 10:10 – Царство его <Нимрода> вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар (καὶ ἐγένετο ἀρχὴ τῆς βασιλείας αὐτοῦ Βαβυλῶν καὶ Ορεχ καὶ Αρχαδ καὶ Χαλαννη ἐν τῇ γῆ Σεννααρ);

Быт 11:1–4 – На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там... И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли (Gen 11:4: καὶ εἶπαν Δεῦτε οἰκοδομήσωμεν ἑαυτοῖς πόλιν καὶ πύργον, в древнеславянском переводе – съзждамъ себѣ градъ и стълпъ ГрПар: 42–43).

Спустя 120 лет А. Наумов, отвергнув ассоциацию со строительством Вавилонской башни, предположил, что рассматриваемый пассаж из кирилловского канона представляет собой аллюзию на стихи другой библейской книги – Исх 23:23–24; 34:11, 13, где речь идет о поклонении хананеев богам и о разрушении столбов их (Pasterze 1985: 127, 138). В своем издании Ильиной книги мы поддержали гипотезу польского исследователя, отметив, что ирмос Οὐκ ἐλάτρευσαν, восходящий к Дан 3:18, посвящен именно неприятию идолопоклонства (ИК: 578).

Следует, однако, признать, что в указанных стихах Библии хананеи отнюдь не выступают каким-то воплощением идолопоклонства, а перечислены в длинном ряду нечестивых племен – причем не как родовое обозначение, общее для 11 племен (ср. ППБЭС: 2266), а лишь как одно из этих племен, и даже не на первом месте, ср.:

Исх 23:23–24 – Когда пойдет пред тобою Ангел Мой и поведет тебя к Аморреям, Хеттеям, Ферезеям, Хананеям, [Гергесеям,] Евеем и Иевусеям, и истреблю их [от лица вашего], то не поклоняйся богам их, и не служи им, и не подражай делам их, но сокруши их и разрушь столбы их (εἰσάξει σε πρὸς τὸν... Χανααναῖον... συντρίψεις τὰς στήλας αὐτῶν, в древнеславянском переводе – введет та в... ханаанѣю... скроуши^{шн} столпы ихъ Тр1: 78а);

Исх 34:11, 13 – сохрани то, что повелеваю тебе ныне: вот, Я изгоняю от лица твоего Аморреев, Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Евеев, [Гергесеев] и Иевусеев... Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите... (ἰδοὺ ἐγὼ ἐκβάλλω πρὸ προσώπου ὑμῶν τὸν Αμορραῖον καὶ Χανααναῖον... τὰς στήλας αὐτῶν συντρίψετε – се азъ ѿженоу предъ лицемъ вашнмъ аморѣя ѿ ханаанѣя... коумна ѿхъ да скроушите Тр1: 88а–б).

В настоящее время нам кажется трудным понять, что могло бы побудить автора кирилловского канона избрать именно хананеев среди многих племен идолопоклонников, враждебных евреям, как объект для сравнения с хазарскими иудеями (обвинявшими христиан, между прочим, как раз в том, что

те поклоняются идолам: „како вы, идоломъ са кланающе, творитеса богу оугажати?“ [ЖК X – Лавр.: 20]) и заменить фигурирующие в Библии *столбы* одним *столпом*.

Е. М. Верещагин (2001: 377; 2006: 877), также следуя чтению тех многочисленных списков, где эпитет столпа выступает с корнем *χανααν-* / *χαναον-*, кратко заметил: „Имеется в виду *ханаанский* (народ)“. В немецком и болгарском переводах определение „ханаанский“ принимается без каких-либо оговорок и комментариев, ср.: „die Säule... der Kanaaniter“ (MF 2: 346), „Ханаанския стълп“ (Клим.: 569).

Между тем обращение к TLG показывает, что понятие *Ханаанский столп* греческим источникам неизвестно, тогда как *Халанский столп* (от *Χαλάννη*, *Χαλάνη* ‘Халне’) – весьма частотное сочетание, восходящее к словам пророка Исаии: *Χαλαννη, οὗ ὁ πύργος ὠκοδομήθη* (Is 10:9: ‘Халне, где столп воздвигался’)⁴⁹. Уже у Евсевия Кесарийского (IV в.) в „Ономастиконе“ название *Χαλάννη* (Gen 10:10) толкуется в связи со строительством Вавилонской башни: *πόλις βασιλείας Νεβρώδ ἐν Βαβυλῶνι. κεῖται καὶ ἐν Ἡσαΐα· „Χαλάννη, οὗ ὁ πύργος ὠκοδομήθη“* ‘город царства Нимрода в Вавилоне. Появляется и у Исаии...’. Позднее оборот *Халанский столп* при упоминании Вавилонского столпотворения встречается у Кирилла Александрийского (IV–V вв.): *Οἱ τὸν τῆς Χαλάνης πύργον οἰκοδομοῦντες*, у Феодора Продрома (XI–XII вв.): *Εἰς τὴν οἰκοδομὴν τοῦ πύργου τῆς Χαλάνης*, в анонимной „Истории императоров“ (после XI в.): *οἰκοδομοῦσι τὸν πύργον τῆς Χαλάνης*, у Евстафия Фессалоникийского (XII в.): *μετὰ τὸν τῆς Χαλάνης πύργον, ἀπὸ πύργου σκεδασθήσονται Χαλάνης*, в диалоге „Анахарсис“ (XII в.): *κατὰ τὸν τῆς Χαλάνης πύργον*, у Константина Манассии (XII в.): *οἰκοδομεῖν μὲν ἤρξαντο τὸν πύργον τῆς Χαλάνης* (в среднеболгарском переводе – *здатн начашѣ стлѣпѣ Халанскын КМ: 114*), *πύργον γιγαντόκτιστον Χαλάνης ἀσφαλτώσας* (<Роман Лакапин> *стлѣпѣ исполнны създанъ Халанскын оутвърдн КМ: 205*), у Мануила Холобола (XIII–XIV вв.): *πύργος ὁ τῆς Χαλάνης* – и др.

Так же, как у нас *вавилонское столпотворение*, ὁ ἐν *Χαλάνη* (*Χαλάνης*, *Χαλανῆς*) *πύργος* приобретает у византийских авторов переносное значение, становится устойчивым сочетанием. Такое употребление неоднократно наблюдается у Григория Назианзина – писателя, „*particulièrement aimé*“ и „*le plus souvent cité*“ в греческой литературе VIII–IX вв. (Dvorník 1933: 33) и оказавшего, как полагают, значительное влияние на солунских братьев (Vavřínek 1962: 104; Dvorník 1970: 54–55).

В частности, в „Надгробном слове Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской“ (слово 43) говорится: *Ὅταν τοῖς ἀντιρρητικοῖς ἐντύχῳ λόγοις, τὸ Σοδομιτικὸν ὄρῳ πῦρ, ᾧ τεφροῦνται γλώσσαις πονηραὶ καὶ παράνομοι, ἢ τὸν Χαλανῆς πύργον, κακῶς μὲν οἰκοδομοῦμενον, καλῶς δὲ λυόμενον*

⁴⁹ Кроме того, безотносительно к столпотворению *Χαλάνη* фигурирует в Ам 6:2: *εἰς Χαλάνην* = слав. *вз халанѣ* (Дв. прор.: 163), а *Χαλάν* (слав. *халланы*) – в некоторых списках Иез 27:23 (Ез.: 218; Иез.: 334–335).

„Когда имею пред собою его обличительные слова на еретиков, тогда вижу Содомский огонь, которым испепеляются лукавые и беззаконные языки, и самый Халанский столп, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый“ (Твор.: 101). В древнейшем славянском переводе Слова, вошедшем в сборник 13 слов (ГБ XI: 82а–б), этот пассаж передан следующим образом: *Ѹгда възклонѣса въ прѣвага [ГБ к. XIV: 171в пернага] словеса содомьска н [ГБ к. XIV содомьскъин] вниждѣ огонь: нмьже испепелѣваѣтъ азъци зълн н беззаконнѣ нн халаньскъ|н [ГБ к. XIV халаненьскъин] столпъ: зълъ оубо съграждаемъ а добръ расъповаемъ [ГБ к. XIV -па-]. В толкованиях Никиты Ираклийского (XI–XII вв.), перевод которых, известный уже Кириллу Туровскому (Виноградов 1915: 114–115) и поэтому датируемый временем не позднее середины XII в. (Понырко 2008: 134; Пичхадзе 2011: 33), дошел до нас в списках не ранее XIV в., данный контекст разъясняется: *болма днелюса творцю. н пакъи югда почтѣ на евномаа его протнвѣреченыа. ѡгнь мноу словесаа его поадаюць зѣло [в греч. далее δραστήριον ‘сильный’]. еже на содома бѣ спѣстн свѣше. на твердь нечтнвѣихъ. столпъ зова халаньскъин [πύργον καλῶν τῆς Χαλάνης]. югоже еретнцн зълъ создаша. н стъин добръ раздрѣшн [ГБ к. XIV: 171г]*⁵⁰.*

В „Слове похвальном Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому“ (слово 21), говоря о той власти, какой добился Георгий Каппадокийский, противник Афанасия, Григорий замечает: *Таύτης ἀποτέλεσμα τῆς δυναστείας, ἡ πρότερον μὲν τὴν τῆς ἀγίας καὶ καλλιπαρθένου Θεέκλας Σελεύκειαν, μετὰ δὲ τοῦτο τὴν μεγαλόπολιν ταύτην καταλαβοῦσα σύνοδος, ἃς ἐπὶ τοῖς καλλίστοις τέως γνωρίζομενας, ἐπὶ τοῖς αἰσχίστοις ὀνομαστάς πελοίηκεν· εἴτε τὸν Χαλάνης πύργον, ὃς καλῶς τὰς γλώσσας ἐμέρισε (ὡς ὠφελόν γε κάκεινας! ἐπὶ κακῷ γὰρ ἡ συμφωνία), εἴτε τὸ Καϊάφα συνέδριον, ᾧ Χριστὸς κατακρίνεται, εἴτε τι ἄλλο τοιοῦτο τὴν σύνοδον ἐκείνην ὀνομαστέον, ἢ πάντα ἀνέτρεψε καὶ συνέχεεν* ‘Следствие этого преобладания – собор, который сначала проходил в Селевкии, <городе> святой и доблестной девы Феклы, а потом в этом великом граде <Константинополе>, каковыя <города>, известные дотоле прекраснейшими <делами>, он сделал знаменитыми <делами> позорными. Или столпом Халанским⁵¹, который ко благу разделил языки (о если бы и эти <языки>, потому что согласие <у них> на зло!), или Каиафиным синедрионом, на котором осуждается Христос, или чем-то другим подобным следует назвать этот собор, все извративший и смешавший’. „Слово“ вошло в славянский сборник 16 слов Григория Богослова, и приведенный контекст в древнеславянском переводе тоже содержит анализируемое прилагательное: *халаньскъин столпъ. нже добръ азъкыи раздѣлан. юкоже бѣ подовл тѣ. на зло бо н свѣ. нн каиафова собранье. ндеже хс осужаетса. нн нно что. тако своръ онъ именоватн. нже развратн все. н смѣтн [ГБ к. XIV: 185г]*; впрочем, в списке Тр8: 299в (также

⁵⁰ Греческий подведен по хранящейся в Отделе древнерусского языка ИРЯ РАН фотокопии рукописи ГИМ, Син. греч. 59.

⁵¹ Показательно, что в переводе XIX в., положенном в основу нашего перевода, выражение *столп Халанский* сопровождается ссылкой: Быт 10:10; 11: 2–9 (Твор.: 159).

конца XIV в.) фигурирует другое существительное – халаньскнн $\overline{\text{снъ}}$ (ср. сынъ² ‘башня’ – Сл XI–XVII, 29: 136), а в списке XV в. Тр136: 437v, – халаньскын нырь (ср. нырь¹ ‘башня’ – Сл XI–XVII, 11: 452). Никита Ираклийский в своем комментарии вновь повторяет выражение $\overline{\text{пύργον Χαλάνης}}$, а в переводе толкований определение также выступает в виде халаньскын, тогда как в соответствии с $\overline{\text{пύργον}}$ используется сынъ: $\overline{\text{снъ халаньскын}}$. в неже $\overline{\text{αζυγίη}}$ $\overline{\text{δορυβ}} \overline{\text{ραζδβλншасл}}$ $\overline{\text{злѣ смъслнвшѣ}}$. $\overline{\text{взвѣстн во хотаху}}$ $\overline{\text{нѣчтыя столпотвореные}}$ [$\overline{\text{τὰ... πυργώματα}}$] (ГБ к. XIV: 186a; в Тр8: 300a $\overline{\text{снъ халаньскнн!}}$).

Наконец, в третий раз Григорий вспоминает о Халанском столпе в слове 32 – „О соблюдении доброго порядка в собеседовании“, не вошедшем в древнеславянские сборники, – во вводном предложении: ($\overline{\text{τοῦτο ἐκεῖνο, ἢ αὐθημερινὴ σοφία, καὶ ὁ ἐν Χαλάνηι πύργος, ὃς καλῶς τὰς γλώσσας ἐμέρισεν}}$) (‘вот эфемерная мудрость и Халанский столп, который ко благу языки разделил!’).

Переносное употребление оборота *Халанский столп* сохраняется в греческой литературе в течение долгих веков при обозначении, главным образом, еретических движений и собраний. Так, Феофан Кесарийский (IX в.) в Житии Феодора Начертанного говорит о том, что святой „ $\overline{\text{τοὺς μὲν εἰκονομάχους οἵαπερ ἄλλον Χαλάννης πύργον διέλυσεν}}$ “ (‘иконоборцев как другой Халанский столп уничтожил’), а „ $\overline{\text{μετὰ τὴν τῆς ἀσεβείας ἐκείνης, τοῦ Χαλάννης, εἶπεῖν, πύργου καταλύσιν... τὸν Νικαίας τῆς Βιθυνῶν κληροῦται θρόνον}}$ “ (‘после падения того нечестия, так сказать, Халанского столпа, наследует престол Никеи Вифинской’); Николай Мефонский (XII в.) в „Опровержении наставлений Прокла“ замечает, что неоплатоник „ $\overline{\text{ματαίопονεῖ τὸν τῆς χαλάνης πύργον... κτίζων}}$ “ ‘всеу трудится, воздвигая халанский столп’. В сравнениях и уподоблениях „как Халанский столп“, „новый Халанский столп“ и т. п. вещают о ересь и лжеучениях Арефа (IX–X вв.), Димитрий Хоматиан (XII–XIII вв.) Никифор Григора, Филофей Коккин (XIV в.). В переводе книги Досифея, патриарха Иерусалимского (1669–1707), о епископии горы Синая (кн. 6) мы сталкиваемся со следующим пассажем: „Итак, Халанский столп отступников скрыт до основания и исчез как дым, как сновидение пробуждающегося“⁵².

Известны подобные обороты и в гимнографии: $\overline{\text{Ἐπὶ τῷ πύργῳ πάλαι μὲν τῆς Χαλάνης συνέχεας γλώσσας τῶν κακῶς ὁμονοούντων, Κύριε, καὶ νῦν ἐστηλίτευσας τὰς γλωσσαλγίας τῶν δυσσεβῶν}}$ (MR 1: 254)⁵³ ‘При столпе древле Халанском смешал Ты языки зло единомыслящих, Господи, и ныне осудил пустословие нечестивых’; $\overline{\text{Ἐξ οὐρανόου σου καταβάς θεωρίας ἐπὶ τὸν πύργον τῆς Χαλάνης}}$ ⁵⁴ ‘Ареίου συνέχεας γλώσσας αἰρετιζόντων

⁵² Пер. В. В. Латышева <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/XVI/1580-1600/Mat_arch_Sin_gory/dosif_6.htm>.

⁵³ Под 25.09 у Ягича и в Тр465 другой канон.

⁵⁴ В издании в основном тексте воспроизведена, видимо, описка рукописи – $\overline{\text{λαλάνης}}$, а варианты $\overline{\text{χαλάννης}}$, $\overline{\text{χαλαύνης}}$ и $\overline{\text{χαλάνης}}$ даны только в примечаниях – в результате правильная форма исчезла для TLG.

(АНГ 6: 342) „Небеснаго ты спед видения на столп халанский Ариев, размесил еси языки еретичествующих“⁵⁵; *Χάρις χείλεσι τοῖς σοῖς ἢ χυθεῖσα τοῦ Θεοῦ τὰ Νεστορίου κατεδάφισεν εἰς γῆν, τὸν Χαλάνης ὡς τὸ πρὶν πύργον*⁵⁶ (АНГ 7: 64) ‘Благодать Божия, излившаяся в твои уста, Несториево <учение> низвергла на землю, как прежде Халанский столп’.

Создатель кирилловского канона, несомненно, превосходно знал контекстуальные условия употребления фразеологизма *Халанский столп* – обозначения „эфемерной мудрости“, „злонамеренного согласия“, „ко вреду созидаемого и прекрасно разрушаемого“, и совершенно уместно применил его к суемудрым – с точки зрения благочестивого христианина – оппонентам Кирилла: как Григорий Назианзин уподоблял собор противников Афанасия вавилонскому столпотворению, так и Василий сравнил с Халанским столпом сонм иудейских книжников – и это сравнение перешло в славянский перевод канона.

Вообще славянские переводчики, как мы убедились на примерах из Григория Богослова и Константина Манассии, обычно точно передавали название столпа. Правильное использование выражения *Халанский столп* наблюдается в южнославянской и, благодаря выходцам с Юга, также и в русской книжности еще в XVI в. В „Слове похвальном Михаилу и Феодору Черниговским“, принадлежащем „выдающемуся славянскому писателю XVI в. (родом из Сербии) Льву Филологу (Черноризцу), которого неоднократно приглашали участвовать в написании для Великих Миней Четых агиографических и риторических произведений“ (БЛДР 12: 540), мы встречаем следующий контекст: Таковъ гласъ святому испущьшу, инъ халаньскый идолслужения възвысившийся стълпъ<,> сътрясъся, низъврѣжесе (БЛДР 12: 28)⁵⁷.

С этим употреблением были, безусловно, знакомы и русские богословы и филологи XIX в. В переводе „Окружного послания к православным христианам“ Марка Эфесского († 1457 г.), осуществленном А. С. Норовым и изданном в 1860 г., святитель, выступая против унии, имеющей своей целью „поработить нас в злое рабство и вовлечь в Вавилон латинских обрядов и исповеданий“, апеллирует к уже цитировавшимся словам Назианзина: „Хотите ли знать, что говорит о таком согласовании Григорий Богослов? Он сравнивает его с предметом, вертящимся во все стороны, с обувью, приспособляющеюся на все ноги <...> Это пишет он о предложенных в то время соглашениях. А о синоде, в котором оные предлагались, он говорит следующее: Это столп Халанский, разделивший языки!“⁵⁸; в комментарии к

⁵⁵ Перевод современной Миней <<http://files2.regentjob.ru/minea/feb/feb665.html>>.

⁵⁶ В издании вновь неверное чтение нераспознанного топонима и затемняющая синтаксис пунктуация – τὸν λαλάνης, ὡς τὸ πρὶν, πύργον.

⁵⁷ В комментарии Н. Ф. Дробленковой совершенно справедливо указывается на то, что в этом контексте „проводится сопоставление с легендарным вавилонским столпотворением и крушением Вавилонской башни“ (БЛДР 12: 542).

⁵⁸ <http://tvorenia.russportal.ru/index.php?id=saeculum.xi_xv.m_05_0003#002>.

слову *Халанский* лаконично сказано: „Вавилонский – См. Быт 10:10“. Неудивительно, что и А. В. Горский даже не счел нужным разъяснять свою эмендацию – *Халанский* вместо *χαναανῆσκιν* в открытом им списке С: для него, начитанного в творениях отцов церкви, фразеологизм Григория Богослова оставался живым выразительным средством.

Однако забвение и непонимание образа *Халанского столпа*, с которым мы сталкиваемся в некоторых переводах и комментариях XX и XXI вв.⁵⁹, началось, очевидно, очень давно, причем уже на греческой почве: об этом свидетельствует отмеченная выше (примеч. 54 и 56) ошибка писцов, канонизированная в АНГ, – *λαλάνης* вместо *χαλάνης*. В славянской переводной письменности незнание фразеологизма проявляется в передаче выражения ἐπὶ τὸν πύργον τῆς Χαλάνης (АНГ 6: 342) в июньской Минее словосочетанием къ стълпоу рашьдъшеска (Син167: 30г – из *рашьдъшюска?), а τῆς Χαλανικῆς πυργολοίᾱς в Житии Варлаама и Иоасафа – посредством *разорена столпотворена* (в обеих версиях перевода – ранней и поздней [Пичхадзе 2011: 29–30] – одинаково, ср. ЖВИ: 113 об. = ПВИ: 238)⁶⁰. Согласно И. Н. Лебедевой, указавшей и на греческий оригинал, и на библейский источник фразеологизма, перевод сделан по ассоциации с глаголом *χαλάω* (ПВИ: 277). По-видимому, основой ложной семантизации послужило такое значение греческого слова, как ‘распадаться’⁶¹, ср. соответствующие значения у *разитися* и *разоритися* (Сл XI–XVII, 21: 200, 237). Подобная этимология известна уже в греческой традиции, если судить по комментарию Неофита Пресвитера (XII–XIII вв.) к книге Бытия: ἦλθον ἐν γῆ Σενάρ, ἥτις μεθερμηνεύεται γῆ Χαλάνης. Οὐ γὰρ δῆλου διὰ τὸ χαλάσαι τὸν πύργον Χαλάνη ὁ τόπος ἐκλήθη, ἀλλὰ καὶ πρὸ τοῦ ἔχειν τὴν κλῆσιν ταύτην, προδιαγράφουσα ἢ κλῆσις τρανῶς τὸ ἐσόμενον ‘они пришли в землю Сенаар, что толкуется как земля Халанская. Ведь, конечно, не из-за разрушения башни это место было названо Халне, но и до того, как получило это название, причем название ясно прообразовывало будущее’.

Другие славянские книжники, не прибегая к этимологизации, смешивали название *Халанский*, которое поддерживается в Св. Писании лишь двумя упоминаниями города Халне в связи с вавилонским столпотворением – при

⁵⁹ Венцом такого непонимания представляется форум в Интернете, в „Клубе любителей религии“. Участник форума задает вопрос (5 сентября 2009 г.): „Уважаемый протоиерей Иоанн, что такое Халанский столп? Вавилонская башня? Я как-то не могу толкование этого термина найти...“ – и получает встречный вопрос: „откуда у Вас эти данные?“. Другой пользователь присылает цитаты из Григория Богослова, Марка Эфесского и из Минее и пытается в меру сил разъяснить трудное слово, что вызывает новый вопрос любознательного неопита: „вавилонский... странно – что – столп... А что такое Халал?“ (sic!). В итоге – знаменательный ответ протоиерея: „географию, агиографию и патрологию, честно говоря, плохо знаю, прошу прощения“ <<http://razgovorchik.ru/index.php?showtopic=6748>>.

⁶⁰ Любопытно, что в современном переводе весь пассаж с обращением „вавилонское съмя, разоренаго столпотворения внуче, имже весь миръ размъшен бысть“ (ПВИ: 238) опущен и заменен повторением слова „выслушай“ <<http://krotov.info/acts/11/komnina/varlaam2.html>>.

⁶¹ „Auseinandergehen“ (Pape 2: 1327).

том что ни один из этих пассажей не нашел отражения ни в старославянских памятниках (см. Dunkov 1995: 348, 356), ни в Паремейнике (см. ГрПар: 442, 449), – с несопоставимо более распространенным именем собственным *Ханаан* (*Хананея*), представленным в Библии более чем 200 фиксациями (вместе с производными). Именно этим смещением объясняется преобладание вариантов типа *ханаоньскъ*, *ханаанскъ*, *ханааньскъ* в списках кирилловского канона начиная с XI в., тогда как чтения *Л* *хъскын* и *Р* *ханен* демонстрируют уже полную беспомощность позднейших переписчиков в обращении с категорически неизвестным им наименованием.

Перед названием столпа по спискам канона фигурируют весьма различные формы. Чаще всего это либо указательное местоимение *онъ* с предшествующим союзом (*Ил, В, Гр, Пал, Хл164, Ц н онъ*) или без союза (*С онъ, Т104 онъ*), либо определительное местоимение *ннъ* (*Др, НБКМ895, Z, Пан, Хл152, Хл166, НБКМ902, Л, НБКМ141, Вар ннъ, Поч ннъ*)⁶²; в *Ск* первый гласный местоимения после *яко* подвергся аферезе: *нь*; в *Т105* наблюдается бессмысленная последовательность *анъа* – возможно, *анъ а-*, если трактовать второе *а* как начало формы *аханаоньскъ* (!), предвосхищенной в местоимении; в *Пог* непонятный писцу *онъ* столп превратился в *онънн* – вероятно, по ассоциации с Исх 13:21; наконец, в *Т98* и *Р* за наречием *яко* непосредственно следует название столпа – т. е. никакого местоимения нет⁶³. Сопоставление с греческими сравнительными конструкциями, уподобляющими еретические сонмища Халанскому столпу, показывает, что это название порой может сопровождаться местоимениями, которые определяют разоблачаемое нечестие как *новый* или *другой* Халанский столп (Арефа: ἄλλον Χαλάνης πύργον οἰκοδομήσαι ἐκμηχανῶ, Димитрий Хоматиан: πύργος τίς νέος Χαλάνης ἀνατειχισθῆ⁶⁴, Никифор Григора: ὁ τῆς νέας Χαλάνης πύργος οἰκοδομούμενος, Феофан Кесарийский: ἄλλον Χαλάννης πύργον διέλυσεν). В свете этих контекстов местоименное определение *ннъ* могло бы рассматриваться как эквивалент греч. ἄλλος – однако шестисложный колон **ἄλλον τῆς Χαλάνης* не соответствует стихотметрическим рамкам ирмоса, предписывающего в 7-й строке восемь слогов (ὁ τῶν Πατέρων Κύριος), и даже некоторых тропарей на этот ирмос, допускающих здесь семь слогов (τὸν ψυχὰς εὐφραίνοντα PaR: 748). С другой стороны, употребление местоимения *онъ* в анализируемом контексте также вполне правомерно – как напоминание о „том“, ветхозаветном столпе (ср. в переводе Горского „оний столп“). В таком случае реконструкция седьмого колона могла бы иметь вид **ἐκεῖνον τῆς Χαλάνης* – однако и эта строка нарушает

⁶² Примечательно, что в отпустительном тропаре, дошедшем до нас в составе службы Кириллу и в списках Толкового Апостола, отмечено сходное варьирование местоимений после *яко*, ср.: *Яко дръгън кърнъ В, Гр* – *яко дръгы на земн • кърнъ Пал* (Крысько 2009г: 104) – *яко н онъ фнлосоу* – *яко дръгн павель* – *яко ннъ костан дннь* – *ннъ на земн кърнъ* (без *яко*) – *яко н дръгы на земн павель* (Христова 1993: 96–97).

⁶³ Публикация Б. Мирчевой (2001: 240) и в этом случае неточна.

⁶⁴ Курсив в источнике.

стихometriю ирмоса, который требует „дактилического“ окончания. Поскольку никакое варьирование существительного Χαλάνη не дает искомого προραγοxytonon, нам остается постулировать для данного колона либо поэтическую вольность автора – например, ориентацию на произношение формы Κύριος в ирмосе со стяжением гласных (синизесисом, см. Трупанис 1968: 167: ἀγιωτάτη, διαβόλου, καρδιά, ἐσκιογράφει), либо наличие в конце строки какой-нибудь частицы, оставшейся непереведенной (δέ?). Соответственно славянский эквивалент колона восстанавливается в виде *онъ халаньскъин, с семью слогами, или *н онъ халаньскъин – с восемью, как в ирмосе. Наличие союза н в древнейшем восточнославянском (*Ил*) и древнейшем южнославянском (*Гр*) списках кирилловского канона дает основания реконструировать его и для первоначального текста – с учетом того, что сочетание ѡко н нередко выступает в старославянском как эквивалент греч. ὡς, ѡспер и т. п. (SJS 4: 941)⁶⁵.

Последний колон восстанавливается как для славянского, так и для греческого без существенных затруднений. Разночтения в списках кирилловского канона ограничиваются прежде всего варьированием именной формы прилагательного пророчьскамн (во всех ранних списках и ряде поздних)⁶⁶ и стяженной членной -кымн в *НБКМ895*, *Пан*, *Хл152*, *Хл164*, *НБКМ902* и др., *Ц*, *Пог*; думается, что выбор в пользу древнейшей формы здесь бесспорен. Порядок слов, обратный всем остальным спискам, т. е. препозицию существительного, демонстрирует *Хл164*; сравнение с ирмосом и реально засвидетельствованными тропарями на этот ирмос, имеющими в 8-м колоне ударение либо на предпоследнем, либо на третьем с конца слоге (καὶ Θεὸς εὐλογητὸς εἶ; τοὺς βροτοὺς, Χριστὸν ἐκδυσώπει; ὁ καρπὸς τῆς κοιλίας σου; ἰσότιμον τῷ τεκόντι), доказывает, что очевидная греческая параллель к пророчьскамн – προφητικαῖς, т. е. perispomenon, в финальной позиции невозможна. Из трех параллелей к прнтъчамн – παροικίαις, παραδείγμασιν и παραβολαῖς – при наличии трех стихометрических моделей колона (восьмисложные с ударениями на 2-м или 3-м с конца слоге и девятисложный, но с ударением только на предпоследнем слоге) необходимым условием отвечает лишь παροικίαις. Наконец, представленная исключительно в *Ск* в конце тропаря зв. форма бгѡвлажне служит очередным проявлением не стесненной никакими стихометрическими соображениями творческой свободы, которая характеризует этот во многом архаический, но в то же время сугубо инновационный список.

В итоге первоначальный текст греческого тропаря и его славянского перевода реконструируется следующим образом⁶⁷:

⁶⁵ Заметим, что предложенная в Клим.: 569 интерпретация формы онъ как указания на Моисея, которому приписывается рассечение „Ханаанского столпа“, не согласуется со ссылкой на Исх 17:6, где речь идет не о столпе, а о скале и не о Ханаане – т. е. территории позднейших Палестины, Сирии и Финикии, а о горе Хорив на Синае.

⁶⁶ В *Др* – с удвоением а: -лаамн.

⁶⁷ В последнем столбце в скобках даны строки из других тропарей на этот ирмос, к которым метрически особенно близки реконструируемые колоны.

1	*Не оустрашися оучителю воинскъзи	13/13	*Οὐ κατέπτηξας, διδάσκαλε, πολεμικῶς	Οὐκ ἐλάτρευσαν τῆ κτίσει οἱ θεόφρονες (Μεμακάρισται ὁ Πέτ- ρος παρὰ τοῦ Χριστοῦ)
2	єдннѣ възннѣтн	6/6–7	μόνος εἰσέρχεσθαι	παρὰ τὸν κτίσαντα,
3	(вѣ) пакъ жндовьскъ	6–7/6–7	στίφος Ἰουδαϊκόν,	ἀλλὰ πυρὸς ἀπειλῆν
4	сѣсѣкъ народъ нхъ	8/7	συγκόψας λαὸν αὐτῶν	ἀνδρείως πατήσαντες
5	мѣдростнѣ разврѣже	7/6–7	σοφία, ἔρρηξας,	χαίροντες ἔψαλλον· (κοιλίαν σπλάγγνα τε)
6	стлѣпѣ яко	4/5	τὸν πύργον ὡσπερ	Ἵπερύμνητε (προνοουμένη)
7	н онъ халаньскъзи	8/7–9	ἐκείνον τῆς Χαλάνης (-),	ὁ τῶν πατέρων Κύριος
8	пророческамн прнтъчамн	9/8–9	προφητικαῖς παροιμίαις	καὶ Θεὸς, εὐλογητὸς εἶ

– т. е. ‘Ты не утрашился, учитель, как воин один войти в сонм иудейский, соборище их, победив мудростью, ты разметал, как тот Халанский столп, пророческими притчами’.

4. Третий тропарь седьмой песни, как было показано в статье Крысько 2007: 42–43, представляет собой весьма близкий парафраз одного из тропарей канона Григорию Нисскому: Λόγων πηγὴν ἐσφραγισμένην σὲ ἐπιστάμεθα τῆς ὀρθοδοξίας, τῆ ἐκβλύσει ἐμφανῶς <– –> ποτίζουσαν τῷ κόσμῳ τὰ νάματα, πληροῦσαν τὸν τοῦ Θεοῦ ποταμόν, τὴν ἐκκλησίαν, λογικοῖς, πάτερ, ὕδασιν (АНГ 5: 210–211) букв. ‘Мы знаем тебя как запечатленный источник слов православия, течением явно напаяющий миру потоки, наполняющий Божию реку – церковь – словесными, отче, водами’. Первоначальный славянский текст надежно восстанавливается в следующем виде:

1	*Та источникъ знаменана сѣвѣмъ	13/13
2	правѣн вѣрѣ мѣдрѣ	7/6–7
3	водъи златоточнъи	7/6–7
4	напаяюща вьсегда	8/7
5	благъна вѣрѣи сѣинъи	7/6–7
6	напаяюща же	6/5
7	яко рѣкѣ течениемъ	9/7–9
8	цркъвьв господьнѣ	7/8–9

‘Мы знаем тебя, мудрый, как запечатленный источник правой веры, всегда напаяющий златоточной водой сынов благоверия и наполняющий, как реку, течением церковь Господню’ (Крысько 2007: 40–41, 42).

Греческий оригинал кирилловского тропаря метрически, естественно, был приспособлен к ирмосу Οὐκ ἐλάτρευσαν τῆ κτίσει οἱ θεόφρονες. При реконструкции фрагментов, отличных от тропаря Григорию Нисскому, мы, как обычно, ориентировались на устойчивые греко-славянские соответствия. Определенные колебания возможны при восстановлении греческого эквивалента к форме златоточнъи, так как помимо канона Кириллу это прилагательное зафиксировано только в Стихираре ГИМ, Син. 572, 102г (Малыгина 2011: 50): Пакъи намъ златоточнъин ннлѣ... мѣножаца [ожидалось бы

*мзножнтъ] златоточна • всезмъртна лнѣнна – Πάλιν ἡμῖν ὁ χρυσορροῶς Νεῖλος... πλημμυρεῖ τὰ χρυσορροῖθρα τῆς ἀθανασίας χεύματα (MR 3: 278). В данном случае, как мы видим, параллелью к златоточнъз служит χρυσορροῖθρος, тогда как однокоренное златоточнъз использовано для передачи греч. χρυσορροῶς; однако в других контекстах словом златоточнъз переводится χρυσορροῦτος: златоточнвоу нмъга дшюу же н тъво (Яг.: 363) – χρυσορροῦτον ἔχων τὴν τε ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα (MR 2: 140), а аналогичным по образованию композитом човдоточнъз – θαυματόβρυτος: непроснти ουστρον човдоточнвоу боγο-проповѣдъннка чьстьноу главоу (Стих XII: 194v–195r) – αἰτήσασθαι παρεσκεύασε τὴν θαυματόβρυτον τοῦ θεοκήρυκος τιμίαν κεφαλὴν (MR 6: 528). В то же время прилагательное медоточнъзн в ранних переводах соответствует греческому μελίρροτος: медоточнъзна пѣсни – τὰ μελίρροτα ἄσματα Клоц 1b 13sq (SSJ 2: 199); прѣлнвающаго рѣкы • медоточна оученна – τὸν προχέοντα ποταμοὺς διδαγμάτων μελιρροῦτων (ИК: 220), медоточнъзми глзи (Яг.: 68) – μελίρροτοῖς λαλιαῖς (MR 1: 385). С учетом параллели -точ- / -руτος в анализируемой позиции можно было бы реконструировать форму *χρυσορροῦτον (ср.: Ὡς ποταμὸς ὑπάρχεις, ρεῖθρα χρυσορροῦτα βρύων MR 3: 409 ‘ты являешься как река, струящая златоточивые потоки’); однако реально зафиксированное в Стихираре соответствие позволяет, пожалуй, с наименьшим основанием восстановить здесь и форму *χρυσορροῖθρον.

Глагол напонтн / наплатн чаще всего используется для передачи греч. ἀρδεύω, хотя зарегистрировано и соответствие потίζω (ср. ИК: 242: наплатн – потίζων). Ввиду того, что в источнике парафразирования фигурирует второй глагол, мы восстанавливаем его и для греческого оригинала кирилловского тропаря.

Многочисленность греческих эквивалентов слав. теченнѣ (см., например, WD: 211) затрудняет выбор трехсложной формы, которая завершает 7-й колон и должна иметь ударение на третьем с конца слоге. Последний фактор определяет невозможность реконструировать в данной позиции дат. пад. ед. ч. ἐκβλύσει, выступающий в тропаре Григорию Нисскому. Отсутствие в славянской традиции мн. ч. как будто свидетельствует и против формы pluralis в оригинале (например, ἐκβλύσεσιν, τοῖς ρεύμασιν, ταῖς ρεύσεσιν), однако корреляция греческого мн. ч. у абстрактных существительных или nomina actionis и ед. ч. в славянском обычна, ср.: Теченнемъ твонхъ слъзъ (Яг.: 032) – Ῥοαῖς σου τῶν δακρύων (MR 1: 45), крзвнъзмъ же теченнемъ (Яг.: 058) – αἱμάτων δὲ ταῖς ροαῖς (АНГ 1: 103), слъзъ теченнемъ (Яг.: 0102) – δακρύων ἐπιρροαῖς (MR 1: 130), теченнемъ крзвнн си – τοῖς ρεύμασι τῶν αἱμάτων (MD 3: 382), см. также параллели к начальному слову Теченнемъ в инципитарии Д. Штерна: Ὁμβροῖς (2×), ρεῖθροῖς, Ταῖς ροαῖς, Ῥεῖθροῖς (5×), Ῥοαῖς (6×), Σταλαγμοῖς (Stern III: 398–400). Следовательно, в качестве источника формы *теченнемъ в славянском переводе можно реконструировать и *ἐκβλύσεσιν (ср. АНГ 11: 141), и *τοῖς ρεύμασιν, и *ταῖς ρεύσεσιν.

В результате мы приходим к такому облику греческого оригинала, который – при соблюдении совершенно нового по сравнению с канонем Гри-

горию Нисскому стихометрического образца – в значительной степени сохраняет лексику источника, ср.⁶⁸:

1 *Σὲ πηγὴν ἐσφραγισμέ-	Οὐκ ἐλάτρευσαν τῇ κτίσει οἱ
νην ἐπιστάμεθα	θεόφρονες
2 ὀρθοδοξίας, σοφέ,	παρὰ τὸν κτίσαντα,
	(προφητικαὶ τοῦ Θεοῦ)
3 νᾶμα χρυσόρρυτον	ἀλλὰ πυρὸς ἀπειλήν
/χρυσόρρειθρον/	(μητέρα ἔσεσθαι)
4 ποτίζουσάν πάντοτε	ἀνδρείως πατήσαντες
5 τοὺς εὐσεβείας υἱοὺς	χαίροντες ἔψαλλον·
	(καὶ ἀοράτων ἐχθρῶν PaR: 748)
6 ἐκκληροῦσαν τε	Ἵπερύμνητε,
7 ὡς ποταμόν ἐκβλύσεσιν	ὁ τῶν πατέρων Κύριος
/τοῖς ρεύμασιν/ /ταῖς ρεύσεσιν/	
8 ἐκκλησίαν τοῦ Κυρίου.	καὶ Θεός, εὐλογητὸς εἶ.

Легко убедиться, что с точки зрения изосиллабизма славянский перевод весьма близок к гипотетическому первоисточнику и к ирмосу. Что же касается принципа гомотонии, то совпадения наблюдаются, в частности, в 1-м колоне, где обязательному ударению на седьмом слоге соответствует акцентуация формы *zǫ́menana (Зализняк 2011: 100), и в некоторых финальных позициях с необлигаторными ударениями, ср. *mъдрѣ – *σοφέ, *zлатотѣчны – *χρυσόρρυτον /χρυσόρρειθρον/. В целом, однако, гомотоничность в тропаре остается, как обычно, факультативной.

5. Богородичен седьмой песни, в согласии с требованиями жанра, построен на общих местах, каждое из которых находит параллели в византийской гимнографии. Подобно всем другим богородичнам кирилловского канона, тропарь отсутствует в *Z* и *P*, однако представлен в Вен, 257r и НБКМ122, 315r в каноне апостолам, который входит в цикл общих служб, атрибутируемый Клименту Охридскому (Ангелов 1969: 253; Станчев, Попов 1988: 196). В древнейшем списке – *Ил* – он выглядит следующим образом:

Нвсѣ шнрьшю сѣдѣна [описка – предвосхищение гласной, вм. сѣдѣна] вѣ
 • вѣ ложе|сна твоѧ вѣсельса прѣча • тѣмь|же молнмѣ тн са • сѣтѣжающн | мн
 прѣгрѣшеннн • нзбавн шн||ротоѣж млостн твоѧ • (130r14–v1).

В первом предложении, если исходить из содержательно-грамматических соображений, в *Ил* (а также в *C*, *T104*, *Гр*, *Др*, *T105*, *Пан*, *Пал*, *Ц*, *Л*) явно пропущен первый винительный – объект при глаголе сѣдѣнатн, с которым соотносится второй, предикативный винительный – форма сравнительной степени шнрьшю. В большинстве списков этот объект имеется, причем во вполне ожидаемой форме местоимения 2-го л. – тѣ. Положение энклитики,

⁶⁸ Слова из тропаря Григорию даны разрядкой, в третьем столбце в скобках приведены строки из тех тропарей на ирмос Οὐκ ἐλάτρευσαν, которые в метрическом отношении особенно близки к реконструируемым колонам.

однако, варьируется: в Вен, Ск, *НБКМ895*, *Хл152*, *Хл166*, *Хл164* она примыкает к первой полноударной форме – *Небѣзъ*, в *Т98*, *НБКМ122*, *Пог* находится после предикативного винительного, а в *В*, *НБКМ902*, *НБКМ141*, *Вар*, *Поч* – после глагола; в каждом из этих случаев позиция *та* вполне закономерна с точки зрения славянской акцентологии и определяется лишь разной постановкой ритмико-синтаксических барьеров (Зализняк 2008: 47–50). Выяснению исходного состояния может способствовать, по-видимому, сопоставление с гипотетическим греческим оригиналом.

Обороты со значением ‘Бог (, вселившись в чрево Твое,) содеял (явил) Тебя (его) шире небес’ или ‘Ты явилась (еси) шире небес’ встречаются во многих греческих песнопениях, ср., например: Ὁ ἐν (τῇ) μήτρᾳ τῆς Παρθένου οἰκίσας καὶ ταύτην οὐρανῶν πλατυτέραν δείξας (MR 1: 131, АНГ 1: 14 и др.) – *Въселнвѣзисѧ въ црѣво дѣвѣиѧ н тоу шнрьшоу небѣзъ явлѣ* (Яг.: 013), другой перевод: *Въ оутрѣвоу са дѣвѣи въселн • н снѣ небѣзъ шнрьшоу авн* (Т110: 95); Οἰκίσας ἐν γαστρὶ σου ὁ οἰκῶν ἐν ὑψίστοις σε ἀπειργάσατο τῶν οὐρανῶν πλατυτέραν (MR 3: 632) – *Въселнсѧ [вм. Въселѣса] въ чрѣво твоѣ жнвѣин въ взишнннхъ та сѣтворн небѣзъ пространѣнншю* (MF 3: 92); Ἐν γαστρὶ σου σκηνώσας ὁ Ὑψιστος, οὐρανῶν πλατυτέραν σε ἔδειξε (TR: 250) – *Въ оутрѣвоу ти въселнсѧ взишнннн • н небѣзъ шнрьшѧ явн* (ТрМК: 58v; пример показывает, что соответствующая греческой *σέ* форма *та* могла утрачиваться в процессе бытования славянского текста); ὁ... Λόγος... κατώκησε σοῦ τὴν μήτραν, ἣν οὐρανῶν πλατυτέραν, θεοτόκε, ἀπειργάσατο (АНГ 4: 585) ‘Слово вселилось в Твое чрево, каковое небес шире, Богородице, содеяло’; Ὡφθης πλατυτέρα οὐρανῶν χωρήσασα Θεὸν ἐν μήτρᾳ (MR 5: 196) – *Ивнсѧ шнрьшн небѣзъ • взмѣстнвзшн бѧ въ ложеснѧ* (ПМ: 133v), Ὡς πλατυτέρα οὐσα τῶν οὐρανῶν ἐν μήτρᾳ ἐδέξω Λόγον τὸν ἀχώρητον (MR 5: 174) – *Ивко шнрьшн небѣзъ сѣщн • въ ложеснѧ своѧ прнѧтѧ • слово невзмѣстнмо* (ПМ: 109r); Ὡφθης πλατυτέρα, Παρθένε, οὐρανῶν Θεὸν χωρήσασα (PG 87, 3: 3945) – *Ивнсѧ шнрьшннѧ небѣзъ дѣво бога взмѣстнвзшн* (ТрВос: 101v).

Ввиду многочисленных византийских параллелей реконструкция греческого оригинала рассматриваемой синтагмы не представляет трудностей: на фоне ирмоса Οὐκ ἐλάτρευσαν τῇ κτίσει, с обязательным ударением на 7-м слоге, он может быть с уверенностью восстановлен в виде *Οὐρανῶν σε πλατυτέραν, т. е. с местоимением после первого слова. Поскольку при пословном переводе помещение полуэнклитики *та* в позицию после первого полноударного слова никоим образом не нарушает славянских акцентологических отношений, диктуемых законом Ваккернагеля (ср. Вайан 1952: 410–411), можно было бы признать материал шести списков, начиная с Вен (XIII в.), аутентичным. Но возникает вопрос: обязательно ли возводить свидетельства древнейших списков к состоянию, отраженному списками более поздними и к тому же относительно немногочисленными?

При кажущейся очевидности реконструкции загадочно отсутствие *та* в 10 списках и его неустойчивая позиция в остальных 14. Более того, сравнивая стихометрическую схему греческого тропаря и его ирмоса с вариантами

славянского текста, мы можем констатировать, что оборот **Небєсъ та шнрьшж не соответствует греческому с точки зрения гомотонии: ударение на корне, реконструируемое для компаративов с формантом *-jь(š) от прилагательных с долготными корнями (Дыбо 2000: 226), нарушает уже упоминавшееся ограничение в акцентуации 1-го колона – ударение на седьмом слоге. Между тем при последовательном расположении двух винительных – сначала предикативного, затем объектного (*Небєсъ шнрьшж та) – оказывающееся в конце синтагмы та получает ударение, соответствующее модели ирмоса. Правомерно предположить, что переводчик кирилловского канона, стремившийся соблюдать гомотонию в тех случаях, где это допускалось возможностями славянского стиха, предпочел изменить позицию местоимения, но воспроизвести метрическую схему ирмоса – и при этом провести четкое синтаксическое разграничение актантов, не разбивая группу предикативного винительного вставкой объектного аккузатива.

Это решение, однако, со временем вступило в противоречие с изменившимся акцентологическим статусом местоименных словоформ вин. пад.: именно в период между созданием кирилло-мефодиевских текстов и появлением древнерусских рукописей осуществился – по всей видимости, диалектно диверсифицированный – процесс перехода от „прежнего полноударного статуса“ данных форм к статусу энклитик (Зализняк 2008: 36–37). Думается, что отмеченные по спискам колебания в постановке та отражают попытки писцов утвердить новую реальность – т. е. либо переместить новоявленную энклитику в позицию после первого полноударного слова, либо, разделив предложение ритмико-синтаксическим барьером, поставить объект после глагола. Еще один вариант – отсутствие дополнения – трудно признать удачным и тем более затруднительно приписать сознательному выбору книжников, поэтому мы склонны интерпретировать синтаксически и семантически недостаточную конструкцию Небєсъ шнрьшю съдѣва в трех ранних восточнославянских (*Ил, С, Т104*) и двух древнейших южнославянских списках (*Гр, Др*), а также в некоторых более поздних рукописях (*Т105, Пан, Пал, Ц, Л*) как восходящую к весьма раннему искажению текста. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на удивление длинный ряд южнославянских списков, начиная с *Гр*, демонстрирует в качестве предикативного винительного аномальную в данной функции членную форму прилагательного⁶⁹ (*Гр, Др, Пал шнр'шжж, НБКМ895, Хл166, Ц, НБКМ141, Вар, Пог, Поч шнршюю, НБКМ902 шнр'шжж, Л шнр'шюж, Ск шнршнъ!, Хл164 шнр'шнне!*) – при том что в пяти из них (*Гр, Др, Пал, Ц, Л*) пропущено местоимение та. Ввиду очевидной неуместности -ж в предикате кажется допустимым предположить, что лишний юс является реликтом первоначального та, и тем самым присоединить показания *Гр, Др, Пал, Ц, Л* к свидетельствам трех

⁶⁹ Ср. примеры с обычными именными формами (Кузнецов и др. 2006: 276–278, 351) – при отсутствии сопоставимого материала с членными (Кузнецов и др. 2006: 281); ср. также приведенный выше инципит Ювєса шнрьшнѣ небєсъ дѣво бога вѣмѣстнєшн (ТрВос: 101v) сразу с двумя инновационными формами – компаратива и причастия.

списков, сохранивших исконное состояние, – Т98, НБКМ122, *Лог*. Переход от шнрьшж та к шнрьшжа (ср. *НБКМ902*) может быть объяснен гаплографией, тогда как написание шнрьшжж (откуда шнршюю) – осмыслением шнрьшжа как членной формы, тем более вероятным в условиях смешения носовых. В свою очередь, осознание аномальности членной формы компаратива могло вести к восстановлению исходного варианта шнрьшж при произвольном восстановлении или невосстановлении также и первого винительного.

С точки зрения лексического выражения сказуемого все списки распадаются на две большие группы – с чтениями съдѣѡа (*Ил, С, Т104, В, Вен, Гр, Др, НБКМ895, Пан, Пал, Хл166*) и съдѣѡа (*Т105, Ск, Хл152, Хл164, НБКМ122, НБКМ902 и др., Ц, Лог*), которым противостоит одинокий вариант Т98 створн. Греческий эквивалент всех трех глаголов со значительной степенью надежности восстанавливается в виде *ἀπεργύσατο (ср. параллели к ἀπεργύζομαι – съдѣѡатн, съдѣѡатн, сътворнтн в текстах декабрьской минеи [WD: 255], съдѣѡатн, съдѣѡатн, сътворнтн, творнтн в Ильиной книге [ИК: 840, 841, 845, 850]). Реконструкция этого προαροχυτονον, идеально соответствующего характерной (хотя и не обязательной) для тропарей на ирмос Οὐκ ἐλάτρευσαν τῇ κτίσει οἱ θεόφρονες схеме с ударением на 3-м с конца слоге, как кажется, позволяет пролить свет на сравнительную древность славянских вариантов. Производящий глагол ἐργύζομαι в древнейших списках Евангелия передается, помимо абсолютно преобладающего бесприставочного дѣѡатн, теми же тремя префиксальными образованиями (Люсен: 99), однако еще В. Ягич, характеризуя евангельское употребление, констатировал: „...съдѣѡатн ist der übliche Ausdruck für ἐργύζομαι... während сътворнтн für ποιῆσαι gebraucht wird“ (Ягич 1913: 400). В то же время в Псалтыри наблюдается противоположная ситуация: в большинстве случаев глаголу ἐργύζομαι соответствуют творнтн и сътворнтн и лишь изредка – дѣѡатн и съдѣѡатн, между тем как в более поздних текстах количество примеров с дѣѡатн нарастает (Ягич 1913: 405). Возведение творнтн к кирилло-мефодиевскому переводу Псалтыри явствует и из современных исследований (Карачорова 1989: 162, 164, 170), то же относится к Апостолу (Христова-Шомова 2004: 662). Учитывая превалирующую тенденцию к замене первичного сътворнтн на съдѣѡатн, мы, пожалуй, могли бы условно постулировать для анализируемого тропаря форму *сътворн, сохранившуюся в единственном списке и повсюду вытесненную образованиями с -дѣ-. Такая реконструкция поддерживается, может быть, и данными осенних миней, где в соответствии с ἀπεργύζομαι зафиксировано 9 форм глагола сътворнтн (Яг.: 084, 7, 24, 39, 59, 64, 99 bis, 341), 4 – съдѣѡатн (Яг.: 062, 066, 293, 296), 2 – съдѣѡатн (Яг.: 2, 5) и 1 – съдѣѡатн (Яг.: 276).

Ясно, вместе с тем, что ни один из отмеченных в списках кирилловского канона трехсложных аористов не должен был завершать славянский колон: при реконструкции первой строки в виде *Невєєъ шнрьшж та съ(дѣѡа/дѣѡа/творн) она оказывается на целых три слога короче своего образца. Если рассматривать интерпункцию в списках тропаря как отражение – хотя и не

всегда точное – первоначального разделения на колонны, то точка, стоящая почти во всех ранних списках (*Ил, Т104, В, Т98, Гр, Др, Ск, НБКМ895, Т105*) после слова *вогъ*, должна трактоваться как доказательство того, что в славянском, в отличие от греческого, подлежащее было отнесено к первому колону. В таком случае реконструируемый 12-сложный славянский колон **Нѣвесѣ шнѣрьшѣ тѣ сътворѣ*⁷⁰ *вогъ*⁷¹ предстает как почти изосиллабичный и гомотоничный греческому **Οὐρανῶν σε πλατυτέραν ἀλειρούσατο*.

В четырех списках после слова *вогъ* следует обращение: в *Вен* и *Гр* оно выражено композитом *враконенскоуьсна* (*Гр -λλ*), в двух других – сращением (из словосочетания): *Ск* *вракоуьненоуьсна*, *НБКМ122 -λλ*. Учитывая материал Ильиной книги (*ИК: 681*) и аналогичные формы субстантивированных обращений от прилагательных муж. рода (*блажене, свате*), в обеих парах первичной можно признать нечленную форму; что же касается способа образования прилагательного, то оба варианта – со сложением и со сращением – встречаются параллельно (*ИК: 681*), и в пользу композита с *-о-* может свидетельствовать, пожалуй, только греческое соответствие – вокатив прилагательного *ἀλειρούαμε, являющийся очевидным эквивалентом этих обращений⁷². Однако если мы совместим параллель к *вогъ* – *θεός* – в одном колоне со звательной формой (**θεός, ἀλειρούαμε*), то он не будет укладываться в стихометрические схемы 2-й строки, диктуемые ирмосом (*παρὰ τὸν κτίσαντα*) и некоторыми тропарями на этот ирмос (*προφητικὰ τοῦ Θεοῦ*): соблюдая первую схему, с „дактилическим“ окончанием, реконструируемая строка оказывается на один слог длиннее строки ирмоса, в то время как вторая схема, с семисложным колоном, исключает именно ударение на третьем с конца слоге. Напротив, семисложный славянский колон *враконенскоуьсна вполне соответствует метрическим рамкам, предписанным греческими образцами, с точки зрения изосиллабизма, хотя и не гомотоничен схеме *προφητικὰ τοῦ Θεοῦ*. Эти различия между реконструируемыми греческим и славянским колонами позволяют предположить, что звательная форма появилась во второй строке славянского перевода в результате метрически обусловленного переноса из позиции, где она была уместна в оригинале (см. ниже), в позицию, более подходящую для нее в структуре славянского песнопения. Поскольку данное чтение, хотя и с вариациями, при-

⁷⁰ Реконструкция ударения в аористе глагола *сътворѣти*, относимого к акцентной парадигме *b*, опирается на данные в Дыбо и др. 1990: 82 (*nosi*), однако современные представления о „довольно ясном и простом характере“ „системы порождения акцентных типов глагольных категорий *i*-глаголов“ (Дыбо и др. 1990: 81 = Дыбо 2000: 563) трудно назвать устойчивыми, ср. иную акцентуацию в Дыбо 2000: 563 (*nòsi*).

⁷¹ Ср. рус. *спасибо*, где безударный последний слог с отпадением согласного отражает энклинонный статус слова *вогъ*.

⁷² Параллель *враконенскоуьсна* – *ἀλείρανδρος*, дважды отмеченная в декабрьской Минее (*WD: 20*), по-видимому, вторична, так как точной калькой греческого прилагательного является *моужененскоуьсна* (*WD: 96*). Не является параллелью к *враконенскоуьсна* и греч. *ἀνύμφευτε* (Нихоритис 1990: 84), которое обычно переводится посредством *безневѣстных* или, реже, *неневѣстных* (*РГЦ: 60; WD: 253; ИК: 670, 765*).

сутствует не только в двух ранних южнославянских списках канона Кириллу Философу, но и в обоих списках службы апостолам, составление которой возводится к начальному периоду письменности в Болгарии, естественно заключить, что оно имелось и в протографе кирилловского канона, откуда и было заимствовано в общие службы (ср. Мирчева 2001: 97). Вытеснение этого обращения в большинстве списков канона, возможно, объясняется именно тем, что на своем исконном месте оно было нежелательно в метрическом отношении, а при переносе, на фоне следующего далее вокатива *прѣчнста(ѣ), становилось избыточным в синтаксическом и семантическом отношении.

Дальнейший текст по спискам обнаруживает несколько разночтений: в большинстве источников он имеет вид *въ ложесна твоѣа*, в *Хл164* и трех списках группы *НБКМ902* (самом *НБКМ902*, *НБКМ141* и *Var*) вместо вин. пад. при предлоге фигурирует мест. пад. – *въ ложеснѣ твоѣхъ* (но в *Л* и *Поч* – аккузатив), причем в *Хл164* перед местоимением вставлен союз (*въ ложеснахъ во твоихъ*), а в обоих списках службы апостолам (*Вен* и *НБКМ122*) в конструкции с локативом наблюдается лексический вариант *въ оутробѣ твоѣн*. Предикат, от которого зависит это обстоятельство, демонстрирует только грамматические варианты: чтению *Ил* (= *В*, *Т98*, *Пал*, *Пог*) – причастию *въсѣльса* – противостоят (а) более новые формы того же причастия прош. вр. – *Гр* *всѣльса*, *НБКМ895* *всѣльвынсе*, (б) явно искаженная из *въсѣльса*, ни с чем не согласованная форма *въсѣльшаса* (*С*, *Т104*, *Т105*, *Пан*) и (в) – в половине списков, но начиная только с XIII в. – аорист *всѣльса* (*Др*, *Ск*, *Хл152*, *Хл166*, *Хл164*, *НБКМ122*, *НБКМ902* и др., *Ц*); в *Вен* это семантически и синтаксически весьма значимое слово пропущено. Принимая во внимание, с одной стороны, аномальность бессоюзной связи между двумя сказуемыми – *сѣдѣѣа* и *въсѣльса* – в большинстве поздних списков (кроме *Ск*, *НБКМ902*, *НБКМ141*, *Var*, где предлогу *въ* предшествует *н*), с другой стороны – обычную замену ставших непонятными писцам архаических причастий на -ь аористами на -н, мы можем утверждать, что форма *въсѣльса восходит к протографу перевода. С этой формой мы уже встречались в богородичне 3-й песни (Крысько 2008: 18–19), однако там обстоятельство выступает без каких-либо вариантов в виде конструкции *въ ложесна твоѣа; столь же безвариантно и сочетание *нз ложеснз в богородичне 6-й песни. В этих условиях использование в 7-й песни лексемы *ложесна* (vs. *жтроба*) может рассматриваться либо как еще одно авторское (переводческое) повторение, либо как унифицирующее нововведение переписчиков. Поскольку чтение *оутробѣ* зарегистрировано только в списках общей службы, вторичных по отношению к кирилловскому канону, и полностью отсутствует в традиции самого канона, более правдоподобным представляется первое предположение – иначе говоря, вторичность варианта *оутробѣ*, внесенного в богородичен создателем общих служб Климентом Охридским. Думается, к нашему случаю применим вывод В. Ягича относительно другой синонимической пары – *чрѣво* / *жтроба*: „Ich möchte jetzt glauben, daß чрѣво ursprünglicher ist und daß жтроба zwar

schon in der ältesten Zeit angewendet wurde, doch erst von zweiter Hand herrührt“ (Jagić 1913: 421). Что же касается синтаксического варьирования, то с учетом не знающего вариантов сочетания с *вз* + вин. пад. в 3-й песни у нас, по-видимому, нет оснований придавать слишком большое значение позднему варианту *вз ложесна твоа*^x, тем более что в нем существительное появляется не в своей исконной форме сред. рода, а либо в жен. роде (ср. словен. *ložesna* ж. р. [ЭССЯ 16: 125]), либо с инновационной флексией *-ахъ*. Таким образом, проанализированное словосочетание реконструируется в полном соответствии с первой фиксацией (*Ил*) – **вз ложесна твоа възсельса*.

Далее во всех списках следует еще одно обращение к Богоматери; в четырех ранних восточнославянских списках (*Ил, С, В, Т98*) оно имеет нечленную форму *прѣчта* / *пречнста*, но во всех остальных снабжено членным окончанием, и колебания – явно вторичные – носят только лексический характер (*НБКМ895* *чѣта*, *Ск прѣстѣ*)⁷³.

Стихометрические критерии обуславливают распределение слов, следующих после *богъ, по двум колонам – *(2) *вз ложесна твоа* (3) *въсельса прѣчнста*(а). В реконструируемом греческом тропаре 2-й колон, по всей вероятности, должен был начинаться со слова *θεός*, эквивалент которого в славянском отошел к первой строке, и обязательного перед причастным оборотом артикля *ὁ* (ср.: *Σὲ ὑψώσε Θεὸς ὁ δεχθεὶς ἐν ἀγκάλαις σου* АНГ 6: 80; *Ἐδόξασέ σε θεός, ὁ διὰ σοῦ δοξαζόμενος* 10: 94; *ἀνθρώποις μὲν γὰρ ἀλεκαλύπτετο θεός ὁ ποτὲ παρ’ αὐτοῖς ἀγνοηθεὶς* – Епифаний Кипрский). Следовательно, для восполнения колона требуется еще три слога с ударением на третьем с конца (ср. *παρὰ τὸν κτίσαντα*) либо четыре – но с конечным ударением (ср. *προφητικαὶ τοῦ Θεοῦ*). Очевидно, что энклитика *σου*, которой только и может соответствовать слав. *твоа*, исключает второй вариант; тем самым параллель к *ложесна* должна состоять из двух слогов с ударением на первом. Эта параллель хорошо известна: и в канонических старославянских текстах (ССС: 310), и в Путятиной минее (9 раз, см. ПМ: 548), и в декабрьской Минее (7 раз, см. WD: 88) словом *ложесна* регулярно переводится греч. *μήτρα*⁷⁴. Таким образом, 2-й колон греческого текста восстанавливается как **Θεὸς ὁ μήτραν σου*, что метрически полностью соответствует ирмосу. Правда, реконструкция аккузатива *μήτραν как источника славянского предложного сочетания *вз ложесна может показаться странной, однако это различие определяется несовпадением управления в греческом и славянском: как свидетельствует хотя бы гимнографический материал, глагол *οἰκέω* управлял не только предложными конструкциями, но и беспредложным винительным – при том что в славянских переводах этот акку-

⁷³ Кроме того, в НБКМ122 изменен порядок слов: *прѣчѣта възсельсе*.

⁷⁴ Параллель *ложесна* – *κοιλία* дважды отмечена в SJS 2: 135 в текстах, не входящих в традиционный старославянский корпус. Такую же параллель мы – может быть, ошибочно – реконструировали для богородична 3-й песни кирилловского канона (Крысько 2008: 19). В осенних минеях (точнее, сентябрьской и октябрьской, так как в ноябрьской релевантного материала нет) трем примерам с греч. *μήτρα* (Яг.: 085 bis, 087) противостоят четыре, где соответствием является *μηδύς* (0141, 0191, 6, 93).

затив передается сочетаниями с предлогом *вз*, ср.: Οικήσας σου τὴν νηδύν – *Взселнвзгнса вз оутрвоу тн*, Οικήσας τὴν μήτραν σου – *Взсельса вз чрѣвъ тн* (Stern 1: 308, 310). Со стихометрической точки зрения колон **вз ложесна твоя* демонстрирует значительную близость к греческому образцу – он не только содержит такое же количество слогов, но и характеризуется обязательным для второго колона ударением на 4-м слоге (*ложеснá*)⁷⁵.

Шести-семисложный греческий оригинал третьего колона, соответствующий ирмосу (*ἀλλὰ πρὸς ἀλεϊλήν*) или некоторым другим тропарям, написанным на этот ирмос (*μητέρα ἔσεσθαι*), в свете приведенных данных скорее всего начинался с причастия **οικήσας*⁷⁶. Среди многочисленных параллелей к обращению *прѣчнста(а)*, зафиксированных, например, в Ильиной книге (ИК: 802–803), на возведение к оригиналу могут претендовать только два *proparoxytona* – *ἄχραντε* и *πάναγνε*, тогда как *oxytona ἀγνή* и *σεμνή* должны быть отвергнуты, поскольку перед ними для восполнения колона недостает двух слогов, в том числе одного ударного (**οικήσας* – *ἀγνή*). Выбор в пользу **πάναγνε* диктуется морфемным составом славянской формы: префикс *прѣ-* является обычным эквивалентом *παν-*. С учетом того обстоятельства, что в богородичнах пятой и шестой песней реконструируется членная форма обращения, обеспечивавшая гомотонию в конце колона (см. Крысько 2009в: 7; Крысько 2010: 137–138), такую же форму, по видимому, следует восстановить и для седьмой песни, ср. **прѣчнстаа* – **πάναγνε*. Однако колон с членной формой оказывается длиннее не только своего 6-сложного метрического образца (*μητέρα ἔσεσθαι*), но и 7-сложного колона в ирмосе. Возможно, стремлением к сокращению числа слогов и объясняется наблюдаемая в ряде списков замена первоначального **прѣчнстаа* на *прѣчнста* либо на *чнстаа*.

Следующее предложение в большинстве списков звучит так же, как и в *Ил*: *тѣмъже молнмъ тн са*. В двух списках общей службы апостолам и в *Хл164* ритмико-синтаксического барьера после наречия нет, *тѣмъже* является первым полноударным словом синтагмы и энклитики *тн са*, соответственно, стоят после него⁷⁷. По сравнению с другими текстами обе конструкции выглядят как равно возможные, ср.: *тѣмъ молнмъ тн са* ИК: 614 (*διό σου δεόμεθα* ИК: 614), Яг.: 051 (*Διὸ αἰτοῦμέν σε* MR 1: 75), 127 (*Ὅθεν αἰτοῦμέν σε* MR 1: 453), 372 (*διὸ δυσολοῦμέν σε* Яг.: 594), *тѣмъ тн са молнмъ* Яг.: 290 (*διό σου δεόμεθα* MR 2: 39), 323⁷⁸ (*Διὸ αἰτοῦμέν σε* MR 2: 89), а также: *тѣмъ тн молнмъса* Яг.: 499 (греч. неизвестен), – однако на фоне не знающего отклонений об-

⁷⁵ Ср. в Чудовском Новом Завете: *ложеснá* (Ушаков: 178).

⁷⁶ Приставочный дериват *κατοικέω*, также допускающий транзитивное употребление, не подходит из метрических соображений: причастие *κατοικήσας* нарушило бы обязательную для данного колона схему с ударением на 4-м слоге.

⁷⁷ Кроме того, в *Ск* при сохранении порядка слов, свойственного большинству списков, вместо *тѣмъже* выступает *тѣмъ мы* (в издании под вопросом), а в глаголе опущен постфикс и соответственно изменено управление: *млнмъ та* (так!).

⁷⁸ Примечательно, что стихиры на с. 051 и 323 (инципит *Ндеже осъзнаеть*) отражают один перевод.

разца – строки ἀνδρείως πατήσαντες в ирмосе – наиболее правдоподобной греческой параллелью представляется *διό σου δεόμεθα⁷⁹, адекватным переводом которой являлся бы изосиллабичный и гомотоничный (в финальных слогах) колон *тѣмъ тн сѧ мо́лнмъ (см. Дыбо 2000: 415, 437), с последующей заменой наречия тѣмъ в большинстве списков абсолютным синонимом тѣмъже и введением после него ритмико-синтаксического барьера. В то же время письменная традиция тропаря демонстрируют еще одну группу различий, связанную с числом глагола: мн. числу, фигурирующему в 20 списках, в четырех рукописях XIII–XIV вв. противостоит форма ед. ч. – Вен (тн) сѧ молю, *НБКМ895*, *Хл152*, *Хл166* млю (тн) се. Ввиду того, что далее прямая речь ведется от 1-го лица ед. ч. (мн), вариант поздних списков логично было бы считать первичным – и соответственно реконструировать для греческого оригинала колон *διὸ ἰκετεύω σε⁸⁰, а для славянского – опять же изосиллабичный и (в финальных слогах) гомотоничный греческому *тѣмъже молю тн сѧ (ср. διὸ ἰκετεύω σε MR 3: 173 – тѣмъже • молю та Син163: 99v, ὅθεν ἰκετεύω σε – тѣмъ молю тн сѧ MD 2: 254, καὶ ἰκετεύω σε MR 1: 441 – н молю тн сѧ Яг.: 120). И все же при всей стройности этой реконструкции замена прозрачного и со всех точек зрения идеального ед. ч. на мн. ч. в большинстве списков, включая все древнейшие (XI–XII вв.), кажется необъяснимой. Думается, что источником различий мог послужить именно восходящий к оригиналу *διό σου δεόμεθα контекст с противоречащими друг другу числовыми формами, обусловленными различием субъектов: предикат *сѧ мо́лнмъ передает общее действие всех молящихся, тогда как местоимение *мн предполагает исхождение слов молитвы от каждого верующего индивидуально. Тем самым вариант с ед. ч. в четырех списках предстает как позднейшая попытка устранить изначальную несогласованность форм.

Начало прямой речи подверглось в списках многочисленным вариациям, свидетельствующим о непонимании и переосмыслении первичного текста. Путь к исконному чтению указывает сходный контекст в Путятиной минее: молн • ѿ сѣтѣжѣища ма нзѣна грѣха • нзбавитсѧ (ПМ: 133v) – δυσώπει τῆς στενοχωρούσης με νῦν ἀμαρτίας ῥύσασθαι (MR 5: 196); близкие контексты зафиксированы также в апрельской Минее: τῆς στενοχωρούσης με ἀεὶ ἀμαρτίας, ἀγαθή, ῥῦσαι πρεσβείαις σου (АНГ 8: 281) ‘от отягощающего меня присно греха, Благая, избавь молитвами Твоими’ – и в Триоди: всєго ма оскатн • всєго нзбавн • всѣхъ протнвнзѣнхъ напастнн сѣтѣжѣищнхъ мн (Син319: 122v) – Ὅλον με ἀγίασον, ὅλον ἐκλύτρωσαι πάσης ἐνεργείας⁸¹ παθῶν τῶν θλιβόντων με (TR: 275).

⁷⁹ Вариант **διὸ δυσωποῦμέν σε кажется менее предпочтительным.

⁸⁰ Другие параллели в форме ед. ч. – **διό σου δέομαι, или **ὅθεν αὐτῷ σε, или **ὅθεν (διὸ) δυσωπῶ σε – на один-два слога короче.

⁸¹ В PG 87, 3: 3856 – ἀσελγείας, однако перевод всѣхъ протнвнзѣнхъ напастнн, по-видимому, восходит к какому-то третьему варианту греческого текста.

Не вызывает сомнений, что молящийся просит Богородицу избавить его от отягощающих (мучающих) его прегрешений. Форма императива *нзбавн* выступает по спискам без существенных разночтений (в *Ск* *нзбавлѣши* объединяет *нзбавн* с первым слогом урезанной формы *шнротож, в *Пал* слог *шн-* также отошел к глагольной форме, а *широта* превратилась в *роту* ‘клятву’ (!): *нзбавншн* • *ротож*; *Хл164* *ѡтавы* – явное искажение). Обязательный при этом глаголе актант – удалительный объект – в большинстве списков фигурирует в род. пад. мн. ч. (*прѣгрѣшенн*), однако в *Гр*, *Хл164*, *НБКМ902* и др. отмечена форма ед. ч. (порой переосмысливаемая как мн. ч.) *прѣгрѣшенна*, в *T98*, *Хл166* использован неуместный в данной конструкции дат. пад. –*нню*, в *Пог* появляется совсем несообразная форма на –*нѣмь*, в *Ск* наблюдается синонимическая и синтаксическая замена – твор. пад. *грѣхмн* и, наконец, в *Хл152* дополнение пропущено, что обесмысливает текст. Выбор между двумя числами не предопределяется приведенными выше близкими контекстами, так как в них представлены обе формы (*грѣха*, *напастнн*), и, следовательно, решение зависит от ряда факторов – от метрических соображений, от выяснения первичности плюральной либо сингулярной формы определяющего причастия, от реконструкции гипотетического греческого оригинала.

Определение к *прегрешению* (-*ям*), открывающее пятый колон, во многих списках, как это ни парадоксально, не согласуется с существительным и не соотносится с управляющим глаголом, ср.:

прѣгрѣшенн	<i>Ил, Др, Пал сътѣжающн</i>
	<i>НБКМ122 стѣжающѣ, Ц -щнх'</i>
	<i>С, T104, В, Пан сътѣжающю</i>
	<i>T105 стѣжаемн</i>
Вен прегрешенн	<i>тѣжающю мн са</i>
прѣгрѣшенна	<i>Хл164 стѣжавшомѣ</i>
	<i>Гр стѣжаща</i>
	<i>Л, Поч стѣжащаа</i> <i>НБКМ902, НБКМ141, Вар стѣжащене</i>
прѣгрешен'мь	<i>Пог стѣжащене</i>
нет	<i>Хл152 стѣжащюѣ</i>
прѣгрѣшенню	<i>T98 сътѣжающю</i> <i>НБКМ895, Хл166 стѣжающомѣ</i>
<i>Ск грѣхмн</i>	<i>стажемн</i>

Очевидно, что формы дат. пад. и твор. пад., оставляющие глагол *нзбавнтн* без актанта, вторичны: они отражают либо соотнесение причастия со следующей формой *мн* и образование малоуместного в контексте дательного самостоятельного со значением ‘когда я унываю’ (в *Вен* дальнейшее искажение – ‘когда я тружусь’), либо переосмысление причастного оборота

как дательного самостоятельного ‘когда прегрешение мучает меня’, либо замену действительного причастия страдательным (стоужаѣмн, стаждаѣмн) и формы объекта – формой инструмента (причем смена залога явно спровоцирована реинтерпретацией формы род. пад. мн. ч. на -нн как твор. пад.). Формы на -ла/-ѣ, вероятнее всего, восходят к генитиву ед. ч. на -а, воспринятому как вин. пад. мн. ч., с графически обусловленными колебаниями в роде (-аа > -ла > -ла > -ѣ) и без ясных синтаксических связей в предложении. Безусловно вторична и ни с чем не согласованная форма на -цн. Тем самым реальными кандидатами на возведение к первоначальному тексту остаются только чтения *Гр* – род. пад. ед. ч. стажаѣца прѣгрѣшенна – и *Ц*, восходящие к род. пад. мн. ч. сътѣжаѣцнхъ прѣгрѣшенн.

Думается, что грамматически и синтаксически прозрачный оборот с род. пад. ед. ч. едва ли мог порождать у писцов такие сомнения, чтобы на его основе могли возникать столь различные, порой бессмысленные конструкции (хотя и он, как мы убедились, послужил основой для плюральной реинтерпретации). Сложности могла вызвать, на наш взгляд, только архаичная, отмершая уже в начале письменного периода нечленная причастная форма род. пад. мн. ч. *сътѣжаѣць: показательно, например, что в Ильиной книге образования на -ць не встречаются ни разу, между тем как -цнхъ / -цннхъ – 17 раз (16:1). Корректное понимание этой формы протографа реализовано в той ветви письменной традиции, где она заменена членной формой на -нхъ (*НБКМ122* и *Ц*), однако во всех остальных случаях писцы варьировали ее на свой страх и риск – иногда осмысленно, как в версии *Гр*, но чаще без внимания к контексту, ограничиваясь заменой непонятного образования какой-нибудь реально существующей формой (на -цн, -цоу и т. п.).

В метрическом отношении шестисложный 5-й колон *сътѣжаѣць мн вполне изосиллабичен ирмосу (ἔχαιρον ψάλλοντες), а реконструкция его греческого оригинала на основе имеющихся параллелей приводит к сочетанию *στενοχωρούντων με, с обязательным ударением на 4-м слоге, – при невозможности пятисложного **τῶν θλιβόντων με. Эта реконструкция, исключая мн. ч. местоимения **ἡμῶς, в свою очередь, выявляет вторичность индивидуального варианта группы *НБКМ902* – энклитической формы дат. пад. мн. ч. (*НБКМ902*, *НБКМ141*, *Var* ны, откуда *Поч* нн, *Л* ннѣ), обязанной своим возникновением стремлению к выравниванию субъектов в авторской и прямой речи (молнмъ тн са / нъ). Что же касается присутствующей в *Гр*, *Ц* формы вин. пад. ма, то она демонстрирует переход от исконного для сътѣжнтн дативного управления (в возвратном деривате сътѣжнтнн субституированного дативным формантом -сн, см. Крысько 1995: 478) к более новой управляемой форме⁸².

Шестой колон ирмоса, Ὑπερούμνητε, является самым коротким в тропаре; как уже отмечалось, в большинстве тропарей на данный ирмос уда-

⁸² В сходном контексте из ПМ: 133v (см. выше) ма может калькировать греч. ме, ср. дат. пад. мн в другом списке майской Минеи – Соф204: 132г.

рение падает на третий слог, но встречается и paroxytonon (προνοουμένη). В кирилловском каноне соответствие для этого колона обнаруживается с трудом. Конечно, мы могли бы поместить сюда следующую за местоимением форму *прѣгрѣшенн и частотные греческие параллели к этой лексеме (см. SJS 3: 415) – *παρὰ πτωμάτων / *πλημμελημάτων / *ἁμαρτημάτων. В таком случае, однако, для оставшихся трех-четырёх слов тропаря (нзбавн шнротѣж мнолстн твоена / покаянна (мн)) оказывается слишком много места в последних двух колонах – по 8–9 слогов в каждом, и попытки заполнить их греческими эквивалентами, даже безотносительно к количеству слогов в славянском, не приносят результатов. Более плодотворным представляется возвращение к разбиравшемуся ранее чтению нескольких списков – зв. форме браконенскоуьсна, греческое соответствие к которой, ἀπειρόγαμε, идеально вмещается в рамки ирмоса, и не только метрически, но и грамматически – ср. вокатив Ὑπερῦμνητε. Этого, правда, нельзя сказать о славянском переводе: форма браконенскоуьсна превышает образец на два слога; может быть, как мы уже предположили, именно по метрическим соображениям это обращение и было перенесено во 2-й колон.

Реконструкция звательной формы *браконенскоуьсна (= *ἀπειρόγαμε) для 6-го колона обуславливает отнесение следующих двух слов к 7-му колоны. В греческой гимнографии эта строка допускает довольно широкую метрическую вариативность: помимо восьмисложной модели ирмоса (ὁ τῶν πατέρων Κύριος), зарегистрированы также варианты из семи (τὸν ψυχὰς εὐφραίνοντα PaR: 748) и девяти слогов (τῆς ἐν σαρκώσει σου βάψασα ANG 1: 120). В схему ирмоса легко вписываются упомянутые выше параллели к *прѣгрѣшенн (например, *ἁμαρτημάτων), занимающие первые пять слогов. Оставшиеся слоги (с обязательным „дактилическим“ ударением) в славянском заполняет практически не имеющая разночтений (см. выше) форма повелительного наклонения нзбавн⁸³, регулярным греческим эквивалентом которой служит λύτρωσαι (см. ИК: 733). Тем самым 7-й колон оригинального текста восстанавливается в форме, полностью соответствующей ирмосу, – *ἁμαρτημάτων λύτρωσαι (ср. сходный контекст у Романа Сладкопевца: οὕτως ἁμαρτημάτων με λύτρωσαι).

Далее почти во всех списках (кроме *Хл164* и отчасти *Ск*, где, как уже говорилось, сохраняется шн-) следует форма шнротѣж. Наконец, последние слова представлены по спискам взаимоисключающими вариантами: уникальному чтению *Ил* мнолстн твоена в 19 списках противостоит форма покаянна⁸⁴, к которой в *Гр* добавлена еще посессивная энклитика мн. В двух списках наблюдаются, однако, „компромиссные“ чтения, возникшие, скорее всего, в результате контаминации обоих вариантов и создающие малоосмысленные контексты: *Хл164* (стежава̀шомъ мн прѣгрѣшенна. ѿтавы) млыню покаянна; *Ск*

⁸³ В Вен тропарь на этом слове обрывается.

⁸⁴ В эту же группу, безусловно, необходимо включить кошунственное искажение *Др* вкка-наа (!).

(стазаемн грѣхмн. нзбавлѣши) мнра покааннемь спсаа на⁸⁵. Согласно чтению древнейшего списка, грешник умоляет, чтобы Богородица (будучи „ширьши небес“) избавила его от грехов широтою *Своей* милости, – т. е. „широта“ Богоматери экстраполируется и на ее милосердие. Идея большинства списков иная: молящийся просит, чтобы Богородица спасла его благодаря глубине⁸⁶ *его* покаяния, – и тем самым широта Пресвятой сопологается с широтой раскаяния, которая должна преодолеть тесноту грехов (στενοχωρέω, переведенное как сътѣжатн, мотивировано прилагательным στενός ‘тесный, узкий’ и буквально означает ‘теснить’). Близкая система образов находит воплощение в богородичне, включенном в службы 7 апреля и 27 июня (но отсутствующем в доступных нам славянских минеях): Μαρία, τὸ ἄμωμον καὶ νοῦν πάντα ὑπερκεῖμενον τῇ καθαρότητι ὄχημα, περικρατούμενον πολλαῖς ἀμαρτίαις καὶ στενοχωρούμενον πρὸς πλάτος μετανοίας με ἴθυνον πανσθενεστάτη σου προστασία (MR 4: 268, 5: 373) ‘Мария, непорочное и превышающее всякий разум чистотой вместилище, направь меня, одолеваемого и теснимого многими грехами, к широте покаяния всемогущественнейшим своим поспешением’. Метафорическое сопоставление широты добрых дел и тесноты грехов (либо „утеснения“ грехов посредством добрых дел) встречается и во многих других, тематически более отдаленных контекстах, ср. особенно с глаголом сътѣжатн: Сътоужнаъ кен нечѣстивне блжне пространствъмъ истиннаго блгочѣстна (Яг.: 216) – Ἐστένωσας τὴν ἀσέβειαν, μάκαρ, πλατυσμῷ τῆς ἀληθοῦς εὐσεβείας (MR 1: 566). Мученики Маркиан и Мартирий восхваляются за то, что, „[т]ῷ πλάτει τῶν δογμάτων τῆς εὐσεβείας... τοῦ Ἀρείου τὴν πλάνην στενώσαντες, εἰς τέλος ἠφάνισαν“ (АНГ 2: 289) ‘лесть Ария, широтою учений благочестия утеснив, до конца уничтожили’; апостол Симон „сужает вражды пути широтою познания Слова“⁸⁷; в обращении к муч. Платону (MR 2: 188) говорится: Τῶν ἀγώνων τῷ πλάτει... ἐχθροῦ ἀπεστένωσας μηχανὰς καὶ ἠφάνισας ‘широтою подвигов ты ограничил (букв. сузил) и уничтожил уловки врага’, а в тропаре Стефану Новому

⁸⁵ Наличие контаминированных вариантов, возможно, свидетельствует о том, что в распоряжении некоторых переписчиков имелся не один, а более антиграфов, воспроизводивших разные ветви текстуальной истории кирилловского канона.

⁸⁶ Ср. Срезн. 3: 1595: шнрота – „глубина, широта (в образных выражениях)“.

⁸⁷ Позволим себе полностью привести эту стихирю, греческий текст которой до сих пор не публиковался, в надежде на то, что он будет когда-нибудь учтен в научном издании майской Минеи (инципит с указанием рукописей, в том числе и парижской, использованной нами, приведен С. Эвстратиадисом [ТЕР: 208], откуда перепечатан в Foll. 3: 499 и далее в Stern 3: 192; нами введена пунктуация, а границы колонов, обозначенные в рукописи точками, передаются в виде астерисков): Σίμων, ἀποστόλων τὸ καύχημα, * ὠραιώθησαν αἱ σοῦ πόδες κηρύγματος ὁδοῖς, * βηματίζοντες καλῶς * καὶ τὰς ὁδοὺς τοῦ δυσμενοῦς * στενοῦντες * πλατυσμῷ τῆς ἐπιγνώσεως * τοῦ λόγου * τοῦ ὀφθέντος ὑλῆ σώματος * καὶ μαθητὴν σε περίδοξον * ἐκλεξαμένου, μακάριε, * ᾧ πρέσβευε * τοῦ σωθῆναι τὰς ψυχὰς <ἡμῶν> (Pag. gr. 1566: 32v, по фотокопии) – Снмоне аплѣ похваля • ѡкраснѣтаса а [так!] нозѣ ти погѣтымъ проповѣднн • стѣпанѣщн прѣдобрѣна [Син166: 48v прѣдобрѣ н] пѣтн • вса вражда • жзцнн • шнротож разоумѣнна • словесн • навльшоумоуса въ тѣлесн • н ѡченнка та славна • нзбравъшоумоу прѣлжене • томоу помолнса • дшамъ нашнмъ спсѣтнса (ПМ: 45v).

возглашается: μαρτυρίου πλατυσμῶ δυσμενῶν ἐστένωσας ὀρμήν (MR 2: 307) ‘широтой мучения ты ограничил (букв. *сузил*) напор врагов’⁸⁸.

При попытке обратного перевода на греческий и вариант *Ил*, и вариант прочих списков легко укладываются в рамки ирмоса и сходных с ним песнопений: так, для широтѣж мнѣстн твоѣя греческое соответствие реконструируется в виде *πλατυσμῶ τοῦ ἐλέου(ς) σου (ср. ὁ καρπὸς τῆς κοιλίας σου), а для широтѣж покаянна – в виде *πλατυσμῶ τῆς μετανοίας (ср. καὶ Θεὸς εὐλογητὸς εἶ). Однако если обороты, означающие *широту* добрых дел праведников и кающихся грешников, как мы убедились, нередки в гимнографии, то контексты, в которых фигурировала бы *широта милости* Богородицы, не были обнаружены нами ни в обиходных минеях, ни в TLG. Представляется, что аргумент частотности в данном случае весомее, нежели фактор наиболее раннего употребления, и тем самым изолированное чтение *Ил* следует признать отражением вторичного, хотя и весьма раннего, переосмысления контекста, которое, по-видимому, было вызвано тем, что кто-то из писцов отнес не только предикат нзбавн, но и рядом стоящее словосочетание широтѣж покаянна к Богородице и, осознав несовместимость *покаяния* и Всенепорочной, заменил действие грешных молящихся понятием, более уместным для небесной заступницы, – *милостью* (ср. Мирчева 2001: 97). Дополнительным аргументом в пользу первичности наиболее распространенной версии может служить тот факт, что словоформы, образующие этот колон, – широтѣж (а. п. *b*, см. Зализняк 2011: 59; Lehfeldt 2001: 46) и *покаянна (а. п. *a*, см. Зализняк 2011: 77; Störmer 1987: 32) – гомотоничны греческим образцам типа ὁ καρπὸς τῆς κοιλίας σου, хотя финальная форма и превышает греческую строку на один слог, – тогда как колон **широтѣж мнѣстн твоѣя отличается от византийских моделей и с точки зрения изосиллабизма (10 слогов), и расположением ударений в двух последних формах (см. Дыбо 1981: 107, 122; Колесов 2010 2: 166).

Итак, богородичен седьмой песни в своем оригинальном виде и в древнеславянском переводе может быть реконструирован следующим образом:

1	*Небесъ шнрьшѣ тѣ сътворн богъ	12/13	*Οὐρανῶν σε πλατυτέραν ἀπειράσατο
2	въ ложесна твоѣя	6/6–7	Θεὸς ὁ μήτραν σου
3	въсельса прѣчнстѣя	8/6–7	οἰκήσας, πάνταγενε.
4	тѣмь тн са молнмъ	7/7	Διό σου δεόμεθα.
5	сътѣжѣшѣ мн	6/6–7	στενοχωρούντων με,
6	браконенскоуьсна	7/5	ἀπειρόγαμε,
7	прѣгрѣшенинн нзбавн	8/7–9	ἁμαρτημάτων λύτρωσαι
8	широтѣж покаянна	9/8–9	πλατυσμῶ τῆς μετανοίας

– т. е. ‘Бог, вселившись в чрево Твое, содеял Тебя, Пречистая, шире небес;

⁸⁸ В славянской Минее выступает иной глагол: мѣнна пространствомъ • зъзынхъ попалнаъ ест стръмѣнна (Яг.: 483), – вероятно, восходящий к вариантному чтению в оригинале.

поэтому мы молимся Тебе: Браконейская, избавь <меня> от отягчающих меня грехов благодаря глубине <моего> покаяния’.

6. Целостность оригинального текста седьмой песни кирилловского канона обеспечивается тем, что начальные буквы первых слов четырех составляющих ее тропарей (Λογικαῖς, Οὐ, Σὲ, Οὐρανῶν) – ΛΟΣΟ – складываются в часть словоформы Φιλοσόφω, входившей, как показал С. Ю. Темчин (2007: 336), в акростишное посвящение Кириллу. В композиционно-содержательном отношении песнь состоит из умелых перепевов двух тропарей в честь Григория Нисского, богородична, построенного на общих местах гимнографии, и собственно „биографического“ тропаря, в котором прославление полемической деятельности Константина переплетается с аллюзиями на Ветхий Завет и обличительные выступления старшего соратника Григория Нисского – Григория Назианзина. Славянский перевод, в свою очередь, характеризуется не только семантической и синтаксической верностью оригиналу, но и максимально возможной точностью в передаче стихометрических особенностей греческих тропарей, что проявляется в изосиллабичности большинства колонов их византийским образцам и даже в соблюдении гомотонии в тех случаях, когда акцентные свойства славянского языка допускали воспроизведение греческих ударений.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

а) Библиотеки и древлехранилища

БАН	Библиотека Академии наук, Отдел рукописной и редкой книги (Санкт-Петербург)
ГИМ	Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва)
НБКМ	Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (Санкт-Петербург)
ХИБ	Хиландарская исследовательская библиотека Государственного университета штата Огайо (Колумбус, США)
ЦИАИ	Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской патриархии (София)

б) Списки службы Кириллу Философу

<i>В</i>	Сохранившаяся в бумагах А. Х. Востокова копия службы в древнерусском списке XII в., по изд.: С р е з н е в с к и й, И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL (= Сб. ОРЯС. Т. 1.). СПб., 1867, 67–78.
<i>Вар</i>	Минея служебная, февраль (Варовитская рукопись), серб., 30-е гг. XVII в., ЦИАИ, № 89, л. 83г–89v.
<i>Гр</i>	Минея праздничная (Григоровичева или Добрианова минея), ср.-болг., вт. пол. XIII в., БАН, 24.4.12, л. 1г–3v.
<i>Др</i>	Драганова минея, ср.-болг., кон. XIII в., Афон, Зографский монастырь, № 54 (I. e. 9), по изд.: А л е к с а н д р о в, А. Служба святым славянским апостолам

- Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века. – Русский филологический вестник, 1893, № 2, 199–203 (местонахождение листов с текстом служб Кириллу и Мефодию в настоящее время неизвестно).
- Ил* Минея праздничная („Ильина книга“), др.-рус., XI/XII в., РГАДА, Тип. 131, л. 127v–132v.
- Л* Минея служебная, февраль–март, югозападнорус. (со следами ср.-болг. орфографии), сер. XVI в., Люблин, библиотека Высшей духовной семинарии, № 538, л. 40v–44v, по фотокопии.
- НБКМ140* Минея праздничная, серб., XV–XVI вв., НБКМ 140, л. 244г–246v.
- НБКМ141* Минея служебная, февраль, серб. (ресавская), 1608 г., НБКМ 141, л. 58г–63v.
- НБКМ895* Минея служебная, декабрь–февраль, серб., XIII/XIV в., НБКМ 895, л. 82a–в.
- НБКМ902* Минея служебная, февраль–март, ср.-болг., кон. XV в., НБКМ 902, л. 46г–50v, по фотокопии, любезно присланной из ХИБ.
- Пал* Минея служебная, февраль и август (Палаузовская минея), ср.-болг., перв. пол. (?) XIV в., БАН, 24.4.11, л. 3г–6г.
- Пан* Минея служебная, декабрь–февраль, серб., 1320–1330 гг., Афон, Пантелеймонов монастырь, Slav. 11, л. 217г–221v, по фотокопии, присланной из ХИБ.
- Пог* Сборник богослужебный, серб., тр. четв. XVII в., РНБ, Пог. 323, л. 282г–295v.
- Поч* Минея служебная, январь–февраль, югозападнорус., 1690 г., Киев, Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины, Поч. 22, л. 278v–283г, по фотокопии.
- Р* Минея праздничная, ср.-болг. с русизмами или вост.-слав. с болгаризированной орфографией, XV или XVI в., Библиотека Румынской академии (Бухарест), № 717, л. 85v–87г, по фотокопии.
- С* Минея служебная, февраль, др.-рус., XII в., ГИМ, Син. 164, л. 99г–v, 100v–110v.
- Ск* Минея праздничная, ср.-болг., XIII в., хранилась в болгарской митрополии г. Скопье (в настоящее время местонахождение неизвестно), по изд.: Р а д ч е н к о, К. Ф. Заметки о рукописях, хранящихся в болгарской митрополии г. Скопья, с приложением службы Константину Философу по среднеболгарскому списку XIII века. – Изв. ОРЯС, 12, 1907, № 3, 158–162.
- T98* Минея праздничная, декабрь–январь, др.-рус., XII–XIII вв., РГАДА, Тип. 98, л. 74v–77г.
- T104* Минея служебная, февраль, др.-рус., XII в., РГАДА, Тип. 104, л. 86v–94v.
- T105* Минея служебная, февраль, др.-рус., нач. XIV в., РГАДА, Тип. 105, л. 77г–85г.
- Хл152* Минея служебная, январь–март, ср.-болг., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 152, л. 145v–148v.
- Хл164* Минея праздничная, серб., 1371–1385 гг., ГИМ, Хлуд. 164, л. 131a–132г.
- Хл166* Минея праздничная, серб., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 166, л. 100г–102v.
- Ц* Минея праздничная, серб., перв. четв. XVI в., ЦИАИ, № 113, 230–236.
- Z* Минея служебная, февраль, ср.-болг., нач. XIV в., Афон, Великая Лавра, Z 53, л. 49v–53v, по фотокопии, присланной из ХИБ.
- в) Другие источники (рукописи и издания), словари, указатели*
- БЛДР 12* Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12: XVI век. СПб., 2003.
- Вен* Сборник (Кодекс Ганкенштейна), XIII в., Австрийская национальная библиотека, Cod. slav. 37, л. 257г, по фотокопии с микрофильма, любезно предоставленного Р. Н. Кривко.

- ГА 1, 3 И с т р и н, В. М. Книги временныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1: Текст. Петроград, 1920; Т. 3: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Ленинград, 1930.
- ГБ XI 13 слов Григория Богослова, XI в., РНБ, Q. п. I. 16 <<http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus>>.
- ГБ к. XIV 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син. 954, по фотокопии.
- ГрПар Р и б а р о в а, З., З. Х а у п т о в а. Григоровичев паримејник. 1. Текст со критички аппарат. Скопје, 1998.
- Дв. прор. З л а т а н о в а, Р. Книга на Дванадесетте пророци с тълкования (= Старобългарският превод на Стария Завет. Под общ. ред. и с въвед. от С. Николова. Т. 1.). София, 1998.
- Двор. Древнегреческо-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий. Т. 1–2. Москва, 1958.
- Диоп. „Диоптра“ Филиппа Монотропа: Антропологическая энциклопедия православногo Средневековья. Изд. подгот. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг. Москва, 2008.
- ЖВИ Житие Варлаама и Иоасафа, Сборник житий и слов, XIV–XV вв., РНБ, Соф. 1365, л. 1в–135г, по фотокопии.
- ЖК Житие Константина Философа.
- Иез. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. Изд. е подгот. от Л. Тасева, М. Йовчева; подбор на гр. текст Т. Илиева (= Старобългарският превод на Стария Завет. Под общ. ред. и с въвед. от С. Николова. Т. 2.). София, 2003.
- Изб XIII Изборник, XIII в., РНБ, Q. п. I. 18, по фотокопии, любезно предоставленной проф. Х. Вонтрубской (Гданьск).
- ИИВ „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия: Древнерус. перевод. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1–2. Москва, 2004.
- ИК Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингв. издание, подготовка греч. текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. Москва, 2005.
- Клим. Свети Климент Охридски. Слова и служби. Съст. П. Петков, И. Христова-Шомова, А.-М. Тотоманова. София, 2008.
- КМ Среднеболгарский перевод „Хроники Константина Манассии“ в славянских литературах. Исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой; подгот. текстов М. А. Салминой; словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988.
- Лавр. Л а в р о в, П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Ленинград, 1930.
- Люсен Л ю с е н, И. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995.
- НБКМ122 Минея служебная, серб., 1435 г., НБКМ 122, л. 3146–3166 (общая служба апостолам).
- ПВИ Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Подгот. текста, исследование и комментарий И. Н. Лебедевой. Ленинград, 1985.
- ПМ Новгородская служебная минея на май (Путятинa минея). XI век: Текст, исследования, указатели. Подгот. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003.

- ПБЭС Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. изд. Москва, 1992.
- РГЦ Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели. Ред. М. Аргировски, соработ. Н. Андријевска, А. Ѓуркова. Скопје, 2003.
- СДРЯ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–9–. Москва, 1988–2012–.
- Син163 Минея служебная, январь, XII в., ГИМ, Син. 163, по фотокопии.
- Син166 Минея служебная, май, XII в., ГИМ, Син. 166 <<http://manuscripts.ru>>.
- Син167 Минея служебная, июнь, XII в., ГИМ, Син. 167.
- Син319 Триодь постная, XII в., ГИМ, Син. 319 <<http://manuscripts.ru>>.
- Синакс. Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии. Изд. подгот. Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, В. Б. Крысько, О. П. Шевчук, И. М. Ладыженский. Москва, 2010.
- Сл XI–XVII Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29–. Москва, 1975–2011–.
- Соф204 Минея служебная, май, XIII в., РНБ, Соф. 204 <<http://manuscripts.ru>>.
- Срезн. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Т. 1–3. Москва, 1989.
- ССС Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва, 1994.
- Стих XII *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitatum: Codex Palaeoslavicus no 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus*. Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars principalis. Hauniae, 2000.
- Т110 Минея служебная, апрель, XI–XII в., РГАДА, Тип. 110 <<http://manuscripts.ru>>.
- Твор. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. 3-е изд. Ч. 4. Москва, 1889.
- Тр1 Библейские книги (Пятикнижие Моисеево), нач. XV в., РГБ, Тр. 1 <<http://www.stsl.ru/manuscripts>>.
- Тр8 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, кон. XIV в., РГБ, Тр. 8 <<http://www.stsl.ru/manuscripts>>.
- Тр136 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XV в., РГБ, Тр. 136 <<http://www.stsl.ru/manuscripts>>.
- Тр465 Минея служебная, сентябрь, нач. XV в., РГБ, Тр. 465 <<http://www.stsl.ru/manuscripts>>.
- ТрВос Триодь цветная, кон. XII в., ГИМ, Воскр. 27 перг. <<http://manuscripts.ru>>.
- ТрМК Триодь постная и цветная („Триодь Моисея Киянина“), кон. XII – нач. XIII в., РГАДА, Тип. 137 <<http://manuscripts.ru>>.
- ТУ Типографский устав. Устав с Кондакарем конца XI – начала XII века. Т. 2. Наборное воспроизведение рукописи. Подгот. текста, сост. словоуказателя и текстол. комментарий С. В. Петровой. Палеогр. комментарий В. С. Голышенко. Москва, 2006.
- УСб Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Москва, 1971.
- Ушаков Ушаков, В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века. Москва, 1982.
- ЭССЯ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–38–. Москва, 1974–2012–.
- Яг. Ягич, И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

- AHG Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Italiae inferioris. Ed. J. Schirò. T. 1–13. Roma, 1966–1983.
- EE Εἱρμολόγιον. Ἐκδ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου. Chennevières-sur-Marne, 1932.
- Ez. Ezechiel. Ed. J. Ziegler. 3. Aufl (= Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum. Bd. XVI, 1). Göttingen, 2006.
- Foll. F o l l i e r i, H. Initia hymnorum Ecclesiae graecae. Vol. 1–5. Città del Vaticano, 1960–1966.
- Kond. 5 Der altrussische Kondakar'. Hrsg. von A. Dostál und H. Rothe. T. 5: Das Kirchenjahr 3. April bis August. Giessen, 1980.
- Lampe L a m p e, G. W. H. A patristic Greek lexicon. Oxford, 1961.
- LS L i d d e l l, H. G., R. S c o t t. A Greek-English Lexicon. Rev. and augm. by H. S. Jones. Oxford, 1996.
- MD Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Hrsg. v. H. Rothe, E. M. Vereščagin. T. 1–5. Opladen–Wiesbaden, 1996–2006.
- MF Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Hrsg. v. H. Rothe. T. 1–3. Paderborn etc., 2003–2009.
- MR Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ. T. 1–6. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1902.
- Pape P a p e, W. Griechisch-deutsches Handwörterbuch. T. 1–2. Braunschweig, 1914.
- PaR Παρακλητικὴ ἤτοι Ὀκτώηχος ἡ μεγάλη. Ἐν Ῥώμῃ, 1885.
- PG 87, 3 Sophronii Patriarchae Hierosolymitani Triodium. – Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Acc. J.-P. Migne. T. 87. Pars 3. Paris, 1860, coll. 3841–3982.
- SJS Slovník jazyka staroslověnského. 1–4. Praha, 1958–1997.
- Stern S t e r n, D. Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. T. 1–3. Paderborn, 2008.
- TEP Σ ω φ ρ ό ν ι ο ς (Ε ὑ σ τ ρ α τ ι á δ η ς). Ταμεῖον ἐκκλησιαστικῆς ποιήσεως. – Ἐκκλησιαστικὸς φάρος, 49, 1950, 204–224.
- TLG Thesaurus Linguae Graecae <<http://stephanus.tlg.uci.edu>>.
- TR Τριώδιον κατανυκτικόν, περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης Τεσσαρακοστῆς. Ἐν Ῥώμῃ, 1879.
- WD Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch – slavisch. Bearb. v. D. Christians. Wiesbaden, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов 1967 А н г е л о в, Б. Ст. Служба на Кирил Философ. – В: А н г е л о в, Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 2. София, 1967, 3–16.
- Ангелов 1969 А н г е л о в, Б. Ст. Климент Охридски – автор на общи служби. – В: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969, 237–259.
- Вайан 1952 В а й а н, А. Руководство по старославянскому языку. Москва, 1952.
- Верещагин 1997 В е р е щ а г и н, Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. Москва, 1997.

- Верецагин 2001 В е р е щ а г и н, Е. М. Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. Москва, 2001.
- Верецагин 2006 В е р е щ а г и н, Е. М. Древнейший славянский богослужебный сборник „Ильина книга“. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием. Москва, 2006.
- Виноградов 1915 В и н о г р а д о в, В. П. Уставные чтения. Вып. 3: Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915.
- Воронов 1877 В о р о н о в, А. Д. Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
- Горский 1865 Г о р с к и й, А. В. О древних канонах святым Кириллу и Мефодию. – В: Кирилло-Мефодиевский сборник. Москва, 1865, 271–284.
- Гошев 1938 Г о ш е в, И. Светите братья Кирил и Методий: Материалы из ръкописите на Синаодалния църковен музей в София. София, 1938.
- Григорович 1865 Г р и г о р о в и ч, В. И. Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия. – В: Кирилло-Мефодиевский сборник. Москва, 1865, 235–270.
- Дыбо 1968 Д ы б о, В. А. Акцентология и словообразование в славянском. – В: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. Москва, 1968, 148–224.
- Дыбо 1975 Д ы б о, В. А. Закон Васильева–Долобка в древнерусском (На материале Чудовского Нового Завета). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 18, 1975, 7–81.
- Дыбо 1977 Д ы б о, В. А. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева–Долобка. – В: Славянское и балканское языкознание: Античная балканистика и сравнительная грамматика. Москва, 1977, 189–272.
- Дыбо 1981 Д ы б о, В. А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва, 1981.
- Дыбо 2000 Д ы б о, В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. Москва, 2000.
- Дыбо и др. 1990 Д ы б о, В. А., Г. И. З а м я т и н а, С. Л. Н и к о л а е в. Основы славянской акцентологии. Москва, 1990.
- Зализняк 1985 З а л и з н я к, А. А. От праславянской акцентуации к русской. Москва, 1985.
- Зализняк 2004 З а л и з н я к, А. А. Древненовгородский диалект. Москва, 2004.
- Зализняк 2008 З а л и з н я к, А. А. Древнерусские энклитики. Москва, 2008.
- Зализняк 2011 З а л и з н я к, А. А. Труды по акцентологии. Т. 2: Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). Москва, 2011.
- Иванов 1931 И в а н о в, Й. Български старини из Македония. 2. изд. София, 1931.
- Карачорова 1989 К а р а ч о р о в а, И. Към вопроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира. – В: Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989, 130–245.
- Колесов 1972 К о л е с о в, В. В. История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. Ленинград, 1972.
- Колесов 2010 К о л е с о в, В. В. Русская акцентология. Т. 1, 2. СПб., 2010.
- Кръстанов 2000 К р ъ с т а н о в, Т. Неизвестен препис от службата за св. Кирил Философ от XVI в. в празничен миней № 113 от сбирката на Църковно-

- историческия и архивен институт в София. – В: Климент Охридски – живот и дело (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 13). София, 2000, 197–215.
- Крысько 1995 К р ы с ь к о, В. Б. Залоговые отношения. – В: Древнерусская грамматика XII–XIII вв. Москва, 1995, 465–506.
- Крысько 2006 К р ы с ь к о, В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. Москва, 2006.
- Крысько 2007 К р ы с ь к о, В. Б. Новые греческие источники канона Кириллу Философу. – *Palaeobulgarica*, 31, 2007, № 2, 21–48.
- Крысько 2008 К р ы с ь к о, В. Б. Ранние славянские гимнографические тексты: Источники и реконструкция (на материале канона Кириллу Философу). – Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2008, № 3, 3–23.
- Крысько 2009а К р ы с ь к о, В. Б. К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу: песнь четвертая [1]. – Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2009, № 1, 16–27.
- Крысько 2009б К р ы с ь к о, В. Б. К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу: песнь четвертая [2]. – Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2009, № 2, 3–21.
- Крысько 2009в К р ы с ь к о, В. Б. Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (песнь шестая). – *Palaeobulgarica*, 33, 2009, № 4, 3–59.
- Крысько 2009г К р ы с ь к о, В. Б. Служба первоучителю Кириллу по Палаузовскому списку. – В: *Text–Sprache–Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher. München–Berlin*, 2009, 95–123.
- Крысько 2010 К р ы с ь к о, В. Б. Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (Песнь пятая). – *Die Welt der Slaven*, 55, 2010, H. 1, 117–147.
- Крысько 2012 К р ы с ь к о, В. Б. Словесъзымнъ призывама пнцальмн: К реконструкции древнейшего канона первоучителю Кириллу. – В: *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. T. 3: Vom Wort zum Text. Göttingen*, 2012, 285–306.
- Кузнецов и др. 2006 К у з н е ц о в, А. М., С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Прилагательные (= Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3). Москва, 2006.
- Мальгина 2011 М а л ы г и н а, М. А. Лексикографическое описание древнеславянского Минейного стихирая XII в. – *Вестник Православного Свято-Тихоновского гос. ун-та. Сер. 3: Филология*, вып. 4 (26), 2011, 44–55.
- Мирчева 2001 М и р ч е в а, Б. Канонът за Кирил и Методий и службата за Кирил в славянската книжнина. Велико Търново, 2001.
- Мирчева 2010 М и р ч е в а, Б. По въпроса за реконструкцията на оригиналната славянска служба за Константин-Кирил Философ. – *Palaeobulgarica*, 34, 2010, № 1, 3–24.
- Мразек 1963 М р а з е к, Р. Дательный падеж в старославянском языке. – В: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, 225–261.
- Нихоритис 1990 Н и х о р и т и с, К. Атонската книжовна традиция в разпространението на Кирило-Методиевските извори (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 7). София, 1990.

- Пичхадзе 2011 П и ч х а д з е, А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. Москва, 2011.
- Понырко 2008 П о н ы р к о, Н. В. Был ли Климент Смолятич создателем первого славянского перевода Толкований Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова. – В: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 59. СПб., 2008, 133–143.
- Радченко 1907 Р а д ч е н к о, К. Ф. Заметки о рукописях, хранящихся в болгарской митрополии г. Скопья, с приложением службы Константину Философу по среднеболгарскому списку XIII века. – Изв. Отделения русского языка и словесности, 12, 1907, № 3, 147–162.
- Райков 1969 Р а й к о в, Б. Два новооткрити преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху нейния състав. – В: Константин-Кирил Философ: Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969, 203–218.
- Станчев, Попов 1988 С т а н ч е в, К., Г. П о п о в. Климент Охридски – живот и дело. София, 1988.
- Темчин 2007 Т е м ч и н, С. Ю. О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу. – В: Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Paderborn etc., 2007, 328–338.
- Теодоров-Балан 1934 Т е о д о р о в - Б а л а н, А. Кирил и Методи. Т. 2. София, 1934.
- Христова 1993 Х р и с т о в а, И. Наблюдения над ръкопис № 598 от сбирката на Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“. – Palaeobulgarica, 17, 1993, № 2, 90–98.
- Христова-Шомова 2004 Х р и с т о в а - Ш о м о в а, И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. 1: Изследване на библейския текст. София, 2004.
- Brugmann 1913 B r u g m a n n, K. Griechische Grammatik. Lautlehre, Stammbildungs- und Flexionslehre, Syntax. 4. vermehrte Aufl., bearb. von A. Thumb. München, 1913.
- Diels 1932 D i e l s, P. Altkirchenslavische Grammatik. Т. 1. Heidelberg, 1932.
- Dunkov 1995 D u n k o v, D. Библейските цитати в старобългарската книжнина / Die Bibelzitate in der altbulgarischen Literatur. – Die slawischen Sprachen, 43, 1995.
- Dvorník 1933 D v o r n í k, F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933.
- Dvornik 1970 D v o r n i k, F. Byzantine missions among the Slavs: SS. Constantine-Cyril and Methodius. New Brunswick, 1970.
- Hannick 2006 H a n n i c k, C. Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Т. 50). Freiburg i. Br., 2006.
- Jagić 1913 J a g i ć, V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue bericht. u. erw. Ausg. Berlin, 1913.
- Lehfeldt 2001 L e h f e l d t, W. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. 2., verb. und ergänz. Aufl. (= Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 42) München, 2001.
- Matejko 2003 M a t e j k o, L. Вопросы исследования древнейшей славянской гимнографии (Ирмосы: разночтения и история текста). – В: XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Lubľane: Príspevky slovenských slavistov. Bratislava, 2003, 21–48.

- Pasterze 1985 Pasterze wiernych słowian: święci Cyryl i Metody. Teksty wybrał, tłum. i oprac. A. Naumow. Kraków, 1985.
- Scholvin 1877 Scholvin, R. Beiträge zur Deklination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen. – Archiv für slavische Philologie, 2, 1877, 482–569.
- Ševčenko 1999 Ševčenko, I. Constantine-Cyril, apostle of the Slavs, as “bibliothecary”, or how Byzantine was the author of Constantine’s Vita? – In: ...The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways. Festschrift in Honor of János M. Bak. Budapest, 1999, 214–221.
- Störmer 1987 Störmer, O. Die altrussischen Handschriften liturgischer Gesänge in sematischer Notation als Hilfsmittel der slavischen Akzentologie (= Slavistische Beiträge. Bd. 209). München, 1987.
- Trypanis 1968 Trypanis, C. A. Fourteen early Byzantine cantica. Wien, 1968.
- Vavřínek 1962 Vavřínek, V. Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje a panegyriky Řehoře z Nazianzu. – Listy filologické, 85, 1962, № 1, 96–122.

THE OLD CHURCH SLAVONIC CANON TO CYRIL, THE FIRST TEACHER:
THE SEVENTH ODE

(Summary)

The article continues research on one of the earliest works of Church Slavonic literature, the canon to Cyril, The First Teacher. Based on the methods developed in the previous articles, an attempt is made at a parallel reconstruction of the original Slavonic text of the canon’s seventh ode and of its lost Greek original. The analysis allowed for solving a number of important issues of the textual history of the canon: in particular it could be established that the mysterious ‘tower of Canaan’ occurring in most of the copies is in fact the phrase ‘tower of Calneh (Chalanne)’ which was rather popular in Byzantine literature and was used both in its literal meaning denoting the tower of Babel as well as metaphorically, to signify heretical and other religious movements and gatherings. The integrity of the original text of the canon’s seventh ode is secured by the fact that the initial letters of the first words in the four troparia constituting it (Λογικαῖς, Οὐ, Σὲ, Οὐρανῶν) – ΛΟΞΟ – make up part of the word form φιλοσόφω, which, as was proven by S. Temchin, was part of the acrostichic dedication to Cyril. In terms of its composition and contents, the ode is built of skilfully recurring chants of two troparia in honor of Gregory of Nyssa, a theotokion, built on hymnographic loci communes and a strictly ‘biographical’ troparion where the praise of the polemic activities of Constantine is intertwined with allusions to the Old Testament and the condemning words of Gregory of Nazianzus, Gregory of Nyssa’s contemporary. The Slavonic translation, in turn, is characterized not only by being semantically and syntactically true to the original but also by the highest accuracy in rendering the metrical pattern of the Greek troparia, as can be seen in the isosyllabicity of most of the colons and their Byzantine originals and even in the conservation of homotony in those cases when the accent patterns of the Slavic language allowed for rendering the Greek accents.

*Vadim Krysko,
Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences*